

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 116+32.019.5

В. А. ЕВДОКИМОВ

Омская гуманитарная академия

ИННОВАЦИИ В ПОЛИТИКЕ: ЭФФЕКТ ИМИТАЦИИ И ИМИТАЦИЯ ЭФФЕКТА

Автор предпринимает попытку ввести в научный обиход термин «инномитация», характеризующий одну из популярных в XXI веке имитационных стратегий.

Ключевые слова: инномитация, перемена, творчество, критическое мышление, массовое сознание, реальность.

В глобальном информационном пространстве субъекты политики — лидеры, государственные органы, социальные общности и группы, партии, общественные организации, способные влиять на властные отношения, имеют большие возможности для распространения идей, подменяющих предметно-смысловую реальность. Эти представления становятся основой имитационных стратегий, определяющих механизмы, необходимые для воздействия на мотивацию людей, решения задач управления массами, их поведением. Интерес автора привлекает практика инномитации, нацеленная на внушение индивидам иллюзий о том, что они наблюдают продвижение вперед в различных сферах жизни социума.

Процессы имитации изучают представители различных отраслей знания. Психологи интерпретируют понятие как подражание некоему объекту, копирование его речи, манеры поведения, экономисты —

как создание образа, модели объекта или процесса, искусственное воспроизведение его в целях исследования, обучения, прогнозирования. По мнению профессора коммуникации из университета Пенсильвании К. Уилсона, имитация уместна в борьбе за власть, социальный статус, идентичность [1, р. 89]. Подражание, вероятно, приемлемо и при постижении социальными субъектами форм и методов политической деятельности, освоении эффективных технологий управления, которые разработаны исследовательскими институтами, расположенными в высоко развитых глобализированных государствах. Возможно и копирование действий лидеров, способных принимать конструктивные решения в условиях острых конфликтов, экономических кризисов, обеспечивать внедрение инноваций как синтеза новых идей, моделей действий, ценностей, программ, связанных с формированием элементов материальной и нематериальной культуры в социальной системе.

Глубже осмыслить феномен имитации позволяет понятие «симулякр», введенное в научный обиход античными философами для описания копий вещей и таких образов, которые выражают душевное состояние, химеры, фантомы, призраки. Постмодернисты отличают копию от симулякра, связывают его с концептом, который создает впечатления и чувственные образы, симулирующие идею. По мнению французского философа Ж. Батая, симулякр является результатом воплощения в слове, художественном произведении и инсталляциях невыразимого, мистического «внутреннего опыта» [2, с. 17]. Современные российские философы трактуют имитацию не столько как отражение некоей мистической совокупности знаний и навыков, сколько как явление, проявляющееся в искажении социальной определенности, в основе которого — действия акторов, связанные с конструированием символической действительности [3, с. 28].

Действия такого рода становятся элементами имитационных практик, среди которых исследователи выделяют идеологическую индоктринацию, мифологизацию, символическое конструирование. Для современных авторов особенно привлекательна стратегия, которую можно назвать инномитацией (инновация + имитация) — приданием новой формы концепциям, основанным на известных идеях, путем искажения реальности, подмены объективных представлений о событиях и явлениях суррогатами творческой деятельности и воспроизводящими действительность искусственными образами. Эта практика основана на конвергенции элементов имитационных стратегий — ритуалов, церемоний, мифов, стандартов упрощенного понимания реальности. Ритуалом при вступлении в должность служит декларирование лицами, избранными главами государств, «новых» политических принципов — благосостояния, справедливости, свободы, независимости, приобщения к демократическим ценностям. В Советском Союзе был распространен миф об успешном строительстве коммунистического общества, в современной России — представление о развитии регулируемой, социально ориентированной рыночной экономики.

Конструированию имитаторами реальности благоприятствует свободное перемещение информации и идей и внедрение ценностей в глобальном пространстве. Индивиду предоставлена возможность ознакомиться с бессчетным количеством разнообразных сведений, но он испытывает затруднения при отделении истинного от ложного и существенного от второстепенного. Тем проще субъектам имитации использовать симулякр развития, совершать акции, создающие видимость осуществления кардинальных перемен, будто бы являющихся результатом творческой деятельности. Несмотря на дифференциацию общества по имущественным и иным признакам, цивилизационные и мировоззренческие различия, увеличение количества граждан, имеющих высшее образование, имитаторы нацелены на обеспечение гомогенности информационно-идеологического пространства, воспринимают народы как серую, безликую массу, которой предначертано либо положительно оценить любые предлагаемые их вниманию программы, либо остаться нейтральной по отношению к ним.

Публика оправдывает эти ожидания. Массой, которая представляет обладающую определенными качествами совокупность индивидов, составляющих социальную общность, утрачена способность к критическому мышлению как умению глубоко анализи-

ровать окружающую действительность, проверять достоверность получаемых сообщений и объективно интерпретировать их, сопоставлять различные мнения, устанавливать причинно-следственные связи событий, осознавать противоречивый характер общественных процессов. В отсутствие целостного понимания явлений жизни общества укрепляется доверие людей информации, искажающей действительность. Массовое сознание, как неоднородное формирование, обусловленное условиями бытия людей и характеризуемое стандартностью, поверхностным восприятием реальности, легко впитывает мифы об инновационном развитии государств, главы которых будто бы держат руку на пульсе прогресса, о способности управляющих угладеть в будущем то, что не может увидеть и понять она сама. Массу очаровывают проекты, которые никогда не будут реализованы. Граждан впечатляют благообразные декорации, которые устанавливают на сцене жизни творцы стратегий имитации — органы государственной или муниципальной власти, партии, общественные организации, официальные и официозные масс-медиа, службы по связям с общественностью, агентства политических технологий, предпринимающие попытки обосновать реалистичность утопичных идей и внушить индивидам даже не иллюзии, а убежденность в интенсивно-прогрессивном развитии государств.

Чем меньше изменений происходит в социально-экономической сфере, полезность которых ощутило бы большинство граждан, тем больше усилий прикладывает административная бюрократия, чтобы убедить население в обратном. Имитационные стратегии вызывают стабильный интерес в странах, претендующих на региональное или континентальное лидерство, а особенно востребованы в государствах, существующих в условиях социальной неустойчивости, неэффективного функционирования институциональной системы, подчас неспособных контролировать действия этнических групп. Использование механизмов имитации, необходимых для воздействия на мотивацию людей, решения задач управления массами, тем уместнее для политической элиты как господствующего социального субъекта, чем слабее экономика (нерациональные и архаические способы организации изготовления товаров, неравномерное развитие отраслей, низкий уровень диверсификации, в некоторых случаях — одновременное существование высокотехнологичного производства и примитивных форм хозяйствования). Властвующим субъектам не удается обеспечить благосостояние граждан в силу различных причин — некомпетентности, нехватки ресурсов, несовершенства законодательства, отсутствия воли к конструктивному взаимодействию с другими акторами. Условия для подмены творческой деятельности суррогатом, пародирования эволюционных процессов складываются тем благоприятнее, чем значимее влияние административно-финансовых кланов и зримее коррупционные проявления. Подспорьем субъектам политики служит пропаганда как распространение идей, воззрений, знаний, ценностей и образов в обществе посредством вербальных, текстовых, визуальных и иных средств воздействия для формирования взглядов и настроений людей и оказания влияния на процесс их взаимодействия с окружающей средой. Благодаря имитации эволюционных процессов индивидам из бедных стран может быть внушена вера в то, что уровень их жизни высок. Но если идеи, подменяющие предметно-смысловую реальность, превраща-

ются в очевидную для большинства граждан утопию, а положение значительной части граждан неотвратимо ухудшается, возможны кризисы.

Тем не менее темпы совершенствования стратегии инномитации существенно превышают скорость воплощения перспективных проектов в жизнь. Флером инновационности покрыты долгосрочные замыслы, неосуществимость которых очевидна для разработчиков. Чтобы оградить массу от сомнений такого рода, субъекты имитации вовлекают в создание фантомов сознания большое количество людей. Публично проявить псевдопатриотизм или псевдогосударственность способны и личность, желающая реанимировать свое политическое реноме в преддверии выборов, и орган законодательной власти, заявляющий о приверженности высшим ценностям ради маскировки псевдоидеологии. Стремясь склонить массу к участию в процессе имитации эволюции, «народные фронты» и общественные фонды внушают гражданам иллюзию, что они так же, как представители политической элиты, причастны к «благотворным» переменам. Влиянию инномитации подвержены различные сферы жизни общества: деятельность учреждений образования, предприятий дорожного строительства, правоохранительных органов (возбуждение уголовных дел против несуществующих граждан).

Чтобы масса не усомнилась в реалистичности и обоснованности имитационной практики, субъекты политики копируют творческую деятельность. Суррогатом таковой становится организация по надуманным поводам высокочрезвычайных торжеств, парадов, а также масштабных форумов, призванных произвести впечатление на население конкретных стран и международное сообщество в целом, если подобные празднования и собрания не являются стимулом для развития, в то время как в различных сферах жизни государств складывается драматическое положение (образование, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство). Публику способны поразить и эрзацы правотворчества, связанные с выдвижением экзотических инициатив о внесении изменений в конституцию страны, другие законы. Популярны такие акты пародирования инноваций, как предложения именовать главу государства верховным правителем, или включить в основной закон положение о национальной идее, или перенести празднование знаменательной даты с одного дня на другой, а также заявления и обращения к субъектам международных отношений наставительного характера. Признаком инномитации является и рассмотрение законопроектов в невероятной спешке ради оправдания неких положений, которые обществу предлагается принять на веру за истину. Наброски правовых актов, которые представляют, как правило, отклик на конкретные события, происшедшие на территории страны или за ее пределами, рассматривают по инициативе господствующего социального субъекта. Однако при поспешном рассмотрении законопроектов сужаются возможности общественного контроля качества разработанных документов.

Общественный контроль ослаблен и при формировании разнообразных комиссий, рабочих групп, на которые доминирующий социальный субъект возлагает поиск решения острых проблем, а также подразделений исполнительных органов власти, отвечающих за внедрение инноваций. Такие образования либо имитируют творческую деятельность, широту обсуждения злободневной тематики, либо нацелены на снижение остроты дискуссий, размыва-

ние требований сторон конкурентных взаимодействий, отвлечение их внимания от сути разногласий. Благодаря рассмотрению проблем комиссиями, рабочими группами возможно смягчение существующих противоречий. Но не исключен рост напряжения в отношениях сторон конкурентных взаимодействий, если одна из них раскроет замыслы имитаторов.

Еще одна цель субъектов инномитации — явить обществу свидетельства их способности предвидеть эволюционные изменения. Происходит не только формирование административных подразделений, ответственных за внедрение инноваций, но и превращение планирования и отчетности в фетиш. Вышестоящие органы власти регулярно запрашивают у нижестоящих учреждений, а те в свою очередь — у ведомств и предприятий информацию о работе, которую предполагается осуществить в той или иной сфере, а также данные о выполнении замыслов. Но формируемые при этом многостраничные тома отражают минимальные изменения, происходящие в социально-экономическом развитии стран, чаще лишь подтверждают, что белка формально-деловой документации без устали крутится в колесе государственно-административной бюрократии.

Проявления инномитации очевидны и в политической конкуренции. Как фантомы возникают партии, не претендующие на популярность и отвлекающие внимание массы от оппонированных доминирующему социальному субъекту объединений за счет копирования их программ и названий. Конкуренцию подменяет соперничество образов, когда в качестве инновации представлены не действия субъекта сферы властных отношений, а его искусственный имидж. Формированию такого может содействовать рейтинг, основанный на данных выборочного опроса. Респондентам предлагают выбрать один из вариантов суждений, сконструированных экспертами и воплощающих, видимо, лишь модель общественного мнения. По существу участники опроса оживляют эти симулякры, и тогда «образы превращаются в факторы принятия и осуществления политических решений» [4, с. 51]. Как правило, региональные субъекты имитации, знающие свой политический шесток, избегают участвовать в конкуренции с общенациональными деятелями. В то же время происходит объединение усилий, когда возникает необходимость в демонизации политических конкурентов, независимых экспертов, способных раскрыть суть осуществляемой имитаторами подмены предметно-смысловой реальности. Мифы о сопротивлении реформам, искусственные образы противников прогресса способствуют внедрению в массовое сознание представления о том, что надежды индивидов на ощутимые положительные перемены не оправданы, обеспечить всеобщее благоденствие в том или ином государстве невозможно.

Деятельность имитаторов, вероятно, не была бы столь успешной, если бы услугу им не оказывали масс-медиа, которые регулярно информируют публику об инновационных программах и концепциях, но крайне редко анализируют, какая часть запланированного выполнена, а какая имеет стабильный статус мечтаний, лишенных связи с реальностью. Творческую активность в инвестиционной сфере пародируют посредством распространения сообщений о разработке не подкрепленных экономическими расчетами проектов строительства предприятий, объектов социальной сферы. Достигнуть эффекта имитации развития местной промышленности

позволяет, к примеру, обнаружение информации о вводе в эксплуатацию производственных линий на предприятиях при умолчании о том, что используется устаревшее оборудование, которое выходит из строя, как только выпущено небольшое количество изделий. Однако подмена инноваций эрзацами чревата имиджевыми потерями для доминирующего в обществе субъекта, если огласка актов имитации привлекает внимание независимых от органов власти масс-медиа, некоммерческих общественных объединений.

Учитывая вышесказанное, можно отметить, что подмена творческой деятельности суррогатами, пародирование эволюционных процессов если и не ведут к деградации общества, то, во всяком случае, существенно замедляют его развитие, способствуют концентрации застойных явлений в социально-политическом пространстве. Несмотря на это имитационные стратегии, как средство легитимации субъектов власти, сохранения их полномочий и привилегий, по всей вероятности, будут востребованы и в будущем. Для этого имеются благоприятные условия. В глобальном обществе не определены оптимальные и рациональные способы отбора индивидов, пригодных для управления государствами и обладающих даром искренне заботиться о благе людей, не выработаны эффективные формы контроля действий органов власти, а политическая элита постоянно испытывает необходимость в сокрытии своих ошибок, некомпетентности, неспособности решить актуальные социальные проблемы. Более того, в экономически слабых странах отказ от использования практики копирования эволюционных процессов чреват смелой режимом правления.

Жизнеспособность имитационных стратегий связана и с их стабильным мощным воздействием на массовое сознание. Оказавшись в мире иллюзий и грез, в котором благодаря игре воображения возможно исполнение любых желаний индивида, масса чувствует значимость, масштабность своего суще-

ствования, если только не происходит резкое ухудшение ее социального положения. Рациональные научные сведения не освобождают сознание людей от власти эрзацев творческой деятельности, искусственных образов, мифологических представлений как формы осмысления реальности, объясняющих некоторые из множества недоступных пониманию явлений в окружающем мире. Обезопасить себя от воздействия имитационных стратегий могут, видимо, индивиды, склонные проверять аутентичность получаемой информации, из каких источников она ни исходила бы, обладающие способностью к критическому мышлению как движущей силой в развитии личности, распознаванию «подводных течений» в политическом процессе, скрытых мотивов и устремлений субъектов властных отношений.

Библиографический список

1. Wilson, K. H. The Racial Politics of Imitation in the Nineteenth Century / K. H. Wilson // *Quarterly Journal of Speech*. — 2003. — Vol. 89. — № 2. — P. 89–108.
2. Батай, Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай. — СПб. : Аxioma/МИФИЛ, 1997. — 336 с.
3. Шалюгина, Т. А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Т. А. Шалюгина. — Ростов-н/Д. : ЮФУ. — 57 с.
4. Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. — СПб. : Петерб. востоковедение, 2000. — 96 с.

ЕВДОКИМОВ Владимир Анатольевич, доктор политических наук, доцент (Россия), профессор, заведующий кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций.

Адрес для переписки: EvdokimovVA@list.ru

Статья поступила в редакцию 24.04.2014 г.

© В. А. Евдокимов

Книжная полка

Подопригора, С. Я. Философский словарь / С. Я. Подопригора, А. С. Подопригора. — 2-е изд., стер. — Ростов н/Д. : Феникс, 2013. — 562 с. — ISBN 978-5-222-20237-1.

Философский словарь включает около 5 тысяч статей, раскрывающих содержание понятий таких областей философского знания, как история философии, онтология, гносеология, философская антропология, методология научного познания, социальная философия, философия науки, философия культуры, философия религии. Словарь предназначен для широкого круга читателей: студентов, магистратов, аспирантов, соискателей, преподавателей, а также всех, кто интересуется философией.

Лебедев, С. А. Эпистемология и философия науки : учеб. пособие для вузов / С. А. Лебедев, С. Н. Коськов. — М. : Акад. Проект, 2014. — 295 с. — ISBN 978-5-8291-1536-4.

В учебном пособии раскрывается содержание классической и неклассической эпистемологии и философии науки, их эволюция от Канта до наших дней. В книге кратко и доступно изложены теории научного познания, оказавшие существенное влияние на развитие научной и философской мысли. Авторы показывают как эвристические возможности анализируемых концепций, так и их исторические и концептуальные границы. Особое внимание в книге уделено изложению основных идей современной диалектической парадигмы эпистемологии и философии науки. Для бакалавров, магистров, аспирантов, научных работников и всех, кто интересуется проблемами философии и методологии науки.

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ С КОРЕННЫМИ ЖИТЕЛЯМИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В статье рассматриваются методы, применяемые при изучении взаимодействия православного населения и миссионеров с коренными жителями Алтайского края.

Ключевые слова: метод, миссионер, Алтайский край.

Сведения о взаимодействии православного населения с коренными жителями Алтайского края встречаются как в дореволюционной периодической печати, журналы Странник духовный, Церковные ведомости, Миссионерское обозрение, Православное обозрение, Христианские чтения, Душеполезные чтения, Томские епархиальные ведомости, так и в монографиях, посвящённых истории РПЦ. К ним относится составленная в 1891 г. протоиереем Михаилом Путинцевым книга «Алтай. Его святыни. Миссионерство. Дивные пути Промысла Божия в обращении язычников в христианство. Воспоминания о почивших миссионерах». Книга А. Макаровой-Мирской «Апостолы Алтая», изданная в Харькове в 1914 г., книга М. Ф. Розен «Очерки об исследователях и исследованиях Алтая», вышедшая в Барнауле 1996 году, изданная в Москве в 2005 году работа С. В. Нестерова «Словом и житием наставляя», работа священника Г. Крейдуна «Алтайская духовная миссия в 1830 – 1919 годы», изданная в Москве в 2008 году, труд священника Сергея Широкова «Прп. Макарий (Глухарев) — Апостол Алтая» изданный в Москве в 2008 году, и целом ряде других работ, вышедших как до революции, так и в послереволюционный период. Хотя тема освоения Алтая не нова, но всё множество выполненных работ содержат описание природы Алтая, сведения о миссионерах, описывают встречи, соприкосновение православных с жителями Алтая, описывают быт и обычаи алтайцев. В этих работах нет анализа, что влияло на изменение жизни и религии коренных жителей, какие формы и методы привели к христианизации коренных жителей Алтая? Эти вопросы обуславливают выбор методов, методологию изучения взаимодействия православного населения с коренными жителями Алтайского края.

Результатом взаимодействия представителей православной религии (миссионеров, переселенцев) стало изменение частью коренного населения образа религиозного восприятия мира и формы ведения хозяйства. Каким образом это стало возможным и как произошло? Возможны различные способы решения этой задачи, в нашем случае требуются универсальные принципы познания и методы, связанные с переосмыслением основ познания, повышения уровня осознанности картины мира, то есть философское осознание.

Разработкой метода философия поддерживает в частных науках живой критический дух. Попытка найти единый метод, который был бы применим всюду, так называемый методологический монизм [1], показала, что общего универсального метода не существует, более того, каждый предмет и каждая проблема требует своего метода. Философская методология предполагает определённую систему требований к субъекту познания. Она зависит от уровня развития научного познания, от опыта исследователя, общества, следовательно, её понимание важно соотносить с исторической эпохой, проводя анализ научного и житейского знания субъекта. Философская методология предполагает также, помимо наличия системы методов, выбор определённой цели и характера подхода к её достижению, для повышения эффективности. В связи с этим возникают определённые задачи — типологизировать основные философские подходы к исследованию, моделированию действительности, проанализировать их продуктивные следствия и определить основные принципы, которые входят в систему философской методологии. Следствием решения обозначенных задач будет сознательный выбор наиболее эффективного средства для достижения цели.

Методологию принято рассматривать в двух средах. Первая, теоретическая, сформированная разломом философского знания гносеология, вторая — практическая. Она ориентирована на решение практических проблем и целенаправленное преобразование мира. Теоретическая стремится к модели идеального знания с предшествующим описанием условий; практическая являет собой набор приёмов и способов того, как достичь желаемой практической цели и не погрешить против истины, или того, что считается истинным знанием. По сути, это программа алгоритм. Эффективность, успешность, качество метода проверяется практикой, решением поставленных научно-практических задач, то есть поиском принципов достижения цели, реализуемых в комплексе реальных дел и обстоятельств.

В методологии принято выделять следующую структуру: а) основания методологии: философия, логика, системология, психология, информатика, системный анализ, науковедение, этика, эстетика; б) характеристики деятельности: особенности, принципы, условия, нормы деятельности; в) логическая

структура деятельности: субъект, объект, предмет, форма, средство, методы, результат деятельности, решение задач; в) временная структура деятельности: фазы, стадии, этапы; г) технология выполнения работ и решения задач: средства, методы, способы, приёмы.

Методология делится на содержательную и формальную. Содержательная методология включает изучение законов, теорий, структуры научного знания, критериев научности и системы используемых методов исследования. Формальная методология связана с анализом методов исследования с точки зрения логической структуры и формализованных подходов к построению теоретического знания, его истинности и аргументированности.

В нашем случае основным методом исследования следует принять диалектический метод, что позволяет раскрыть специфику духовной культуры жителей Алтая через диалектику общего и единичного, сущности и явления, формы и содержания. При этом подходе, с одной стороны, культуру можно рассматривать автономной от природы и общества, с другой — культура отождествляется в диалектическом единстве с ними. Сама же духовная культура в целом рассматривается как подсистема культуры, безусловно обладающая определённой автономностью и специфическими чертами и находящаяся в опосредованной зависимости от системы. Этот подход позволяет проанализировать культурно-исторический процесс как в «линейном» — диахроническом измерении, так и в «плоскостном» — синхроническом. В этом случае появляется возможность осмыслить факторы динамики духовной культуры, её движущей силы как проявление собственных возможностей духовной культуры, имманентных закономерностей её развития, не могущих перейти в другое качество, на более высшую ступень религиозного сознания. Единый Бог выходит за пределы языческого восприятия действительности, христианство является трансцендентным по отношению к язычеству, выявляется единство и противоречие в системе «традиция — новация», в нашем случае приводящей к смене религии.

Важной составляющей исследования являются принципы, используемые современными исследователями о сущности и природе Российской империи, рассмотрение разных направлений политики (политической, экономической, конфессиональной). В 19 веке Российская империя переживала кризис, что требовало новых методов управления и формы политической организации. Россия должна была выстроить внутри себя национальное государство с сохранением империи и её принципов [2]. Среди методов реализации конфессиональной политики империи можно выделить создание конфессиональной однородности, подчинение религиозных организаций государству, тем самым обеспечивая лояльность подданных. Показателем эффективности такого правительственного курса является отсутствие напряжённости и массовых выступлений представителей разных конфессий, а также бесконфликтная смена, переход из одной конфессии в другую. Отражение этих событий в качестве источников можно найти в периодической печати, а также в специальных исследованиях, посвящённых жизни русских переселенцев на Алтае, жизни коренных жителей Алтая, деятельности Алтайской духовной миссии и миссионеров. Следует также использовать документы, касающиеся этих вопросов, имеющиеся в государственных архивах. Используя с этой целью специальные исторические методы: историко-срав-

нительный, позволяющий в разных эпохах рассматривать одни и те же процессы, историко-генетический, проблемно-хронологический.

На уровне специальных, исторических, методов возможно применение метода «объясняющего понимания» М. Вебера, при нём достигается соединение объекта и субъекта анализа, включение исследователя во всё многообразие и иррациональность жизни.

Перспективен в применении к исследованию метод «Школы Анналов». Основоположники школы М. Блок и Л. Февр призывали историков не переписывать историю, а воссоздавать прошлое, прибегая для этого к помощи смежных дисциплин, подкрепляющих и дополняющих одна другую [3]. М. Блок указывал: «Наука расчленяет действительность лишь для того, чтобы лучше рассмотреть, благодаря перекрёстным огням, лучи которых непрерывно сходятся и пересекаются. Опасность возникает с того момента, когда каждый прожектор начинает претендовать на то, что он видит всё...» [4]. Анналами во главу угла ставились проблемы обобщения и синтеза частных результатов, получаемых науками об обществе и человеке. Стратегия исторического исследования — мыслить масштабными проблемами, но ограничиваться только теми, которые можно проверить только на основе изучения источников. Анналы призывали к широким сравнительным исследованиям, которые должны служить как способом типизации исторических исследований, так и их индивидуализации, а в целом исторического синтеза.

Основой для исторического синтеза является включение изучения источника в исторический контекст (диахронный и синхронный). М. Блок считал, что необходимо особое умение задавать вопросы источнику при этом возможности исторического источника зависят от способности историков вопрошать их по новому, с тех сторон, с которых они ещё не изучались, от умения видеть то, что лежит не на поверхности. Поэтому следует различать «намеренные» и «ненамеренные» свидетельства и отдавать предпочтение вторым. Анналам присущи новые приёмы изучения исторических свидетельств, более разнообразных, сложных и гибких. Классификация источников, по мнению Анналов, должна быть приближена к контурам действительности. Основоположники Анналов ввели понятие «менталитет», как особый склад ума, присущий людям той или иной исторической эпохи, устанавливаемый на основе изучения языка источников [5]. Метод Анналов раскрывается в попытке создания тотальной истории, он описывает все существующие в обществе связи — экономические, политические, социальные, религиозные, культурные, что позволяет наиболее полно показать контакты православного населения с коренными жителями Алтайского края.

Из научных методов, стоит применять метод индукции и дедукции, анализа и синтеза, аналогии, системный, логический, структурно-функциональный. Индукция — это движение знания от отдельного, особенного к всеобщему закономерному [6]. Индукцию как метод приобретения всеобщего знания из отдельных восприятий знали Сократ и Эпикур [7], сознательно индукция обосновывается и развивается Фрэнсисом Бэконом, Джоном Стюартом, Миллем и др. Она состоит в том, что предположение о связи известных явлений, сделанное на основе наблюдений или возникшее каким-либо другим путём, систематически устанавливается на фактах и приобретает значение большей или меньшей

достоверности. Индукция из опытов и наблюдений выводит причины и общие положения, а потом снова проводит новые опыты и наблюдения на основе этих причин, общих положений или принципов. Это способ постижения реальности, состоящий в восхождении от частного к общему, от единичных фактов к обобщающему логическому заключению [8]. Дедукция — это выведение частного из общего, это путь мышления, который ведёт от общего к частному, от общего положения к особенному. Общей формой дедукции является при этом силлогизм (состоящий из двух посылок и вывода), посылки которого образуют указанное общее положение, а выводы — соответствующее частное суждение [9, с. 179]. Метод анализа делает возможным образование понятий, разложение единства на множество, целого на его части, сложного на его компоненты, события на его отдельные ступени, содержание сознания на его элементы, понятие на его признаки [9, с. 19]. Метод синтеза даёт соединение разнообразных явлений, вещей, качеств, противоположностей или противоречивого множества в единство, в котором противоречия или противоположность сглаживаются или снимаются [9, с. 415]. Результатом синтеза является новое образование, свойства которого — это внешняя сумма свойств компонентов и результат их взаимопроникновения и взаимовлияния. Метод аналогии предполагает познание путём сравнения [9, с. 20]. Между сравниваемыми объектами должно иметься подобие и различие. То, что является основой сравнения, должно быть более знакомым, чем то, что подлежит сравнению. Различие и подобие объектов исследования должны существовать в единстве (метафизическая аналогия) или, во всяком случае, не должны быть разделяемы (физическая аналогия). В атрибутивной аналогии, то, что является основанием подобия двух объектов, переносится с первого члена аналогии на второй (Пр. по аналогии с человеческим телом поступки, поведение человека рассматриваются как «здоровые»). В пропорциональной аналогии каждый из объектов аналогии содержит нечто, в чём он в одно и то же время подобен и не подобен другому. Системный метод позволит объединение некоторого разнообразия в единое и чётко расчленённое целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места. Философская система является соединением принципиальных и основополагающих знаний в некоторую органическую целостность, доктрину [9, с. 415].

Основным методом работы, исследующей вопросы взаимодействия православного населения с коренными жителями Алтайского края, следует считать диалектический метод, позволяющий раскрыть специфику духовной культуры через диалектику общего и единичного, сущности и явления, формы и содержания.

Из специальных, культурно-исторических методов для исследования перспективны: а) метод «объяс-

няющего понимания» М. Вебера; б) метод школы Анналов.

Перечисленные методы образуют своего рода триаду, применимую к исследованию вопросов взаимодействия православного населения с коренными жителями Алтайского края, деятельности в этой связи Алтайской духовной миссии, а также к исследованию вопросов взаимодействия православных жителей Российской империи с представителями других религий и деятельностью в этой связи соответствующих внешних духовных миссий (Киргизской, Кадыжской и др.).

Образуемая триада помогает решать следующие задачи:

— определить влияние универсальных и специфических демографо-географических, хозяйственных и социально-политических факторов на процесс взаимодействия православного населения с коренными жителями;

— выявить общую и локальную религиозную политику властей Российской империи в отношении неправославных конфессий;

— охарактеризовать становление миссионерства на исследуемых территориях как инструмента христианизации коренного населения;

— реконструировать процесс (формы, методы, характер) взаимодействия православного населения и миссионеров с коренными жителями.

Библиографический список

1. Лешкевич, Т. Г. Философия науки / Т. Г. Лешкевич. — М., 2008. — С. 110.
2. Миллер, А. И. Советское наследие «империи положительного действия» / А. И. Миллер. — М., 2008. — С. 63–64.
3. Фавр, Л. Бой за историю / Л. Фавр. — М., 1991. — С. 63.
4. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. — М., 1986. — С. 227.
5. История и философия отечественной исторической науки. — М., 2009. — С. 293.
6. Краткая философская энциклопедия. — М., 1994. — С. 179.
7. Хрестоматия по философии. — М., 1998. — С. 84.
8. Лебедев, С. А. Философия науки: словарь основных терминов / С. А. Лебедев. — М., 2006. — С. 78.
9. Краткая философская энциклопедия / Ред.-сост.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. — М., 1994. — 576 с.

ГОЛУБЦОВ Сергей Владимирович, кандидат богословия, соискатель кафедры философии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, иерей, настоятель прихода в честь св. пророка Илии города Омска, докторант докторантуры и аспирантуры им. Кирилла и Мефодия Русской православной церкви Московского патриархата. Адрес для переписки: г. Омск, ул. Интернациональная, 25.

Статья поступила в редакцию 03.09.2014 г.

© С. В. Голубцов

ПРОБЛЕМА БЫТИЯ ФЕНОМЕНА

Феномен в философии Хайдеггера не совпадает с сущностью, как иррациональное с рациональным, и конфликтует с бытием. Феномен — это кажимость жизни. В статье анализируется различие жизни и бытия в феномене на материале слова и языка. Смысл, передаваемый сущностью, не включает смыслы феномена, который несет в себе импульс жизни и мотива. Все это ставит проблему обновления категориального аппарата анализа бытия, в котором жизнь лишается присутствия в силу ее формализации.

Ключевые слова: феномен, слово как единство экстастики и экспрессии, смысл как мотив, интуиция, прозрение.

Феномен, как понятие экзистенциальной философии (то, что себя кажет тайно и временит из будущего), тесно связано с понятиями бытие и сущность. Сущность и феномен, по-видимому, исключают друг друга, ибо первое рационально и однозначно, а второе — символично и сложно. Как же соотносится феномен с бытием? У Хайдеггера есть падение присутствия, которое можно рассматривать как утончение бытия в феномене.

Феномен словно «вычерпывается» в сущность, и в нем остается нечто, не познаваемое ею. Тут все определено формой «вычерпывания» смыслов. Поэтому необходим анализ: как смысл отражается в феномене и чем отличается смысл, кажимый в феномене, от смысла явленного в сущности.

Толчок в исследовании разности смыслов феномена и сущности дает исследование С. Н. Булгаковым слова.

Коммуникативный аспект феномена. В рассмотрении темы мы отталкиваемся от работы С. Н. Булгакова «Философия имени» [1]. Здесь он сначала ставит задачу связи слова и смысла в нетрадиционном и для нашего времени способом, но затем все более очевидным становится его собственная установка порождения смысла Богом, и получение его человеком через откровение. Эта установка, с нашей точки зрения, сужает его собственный подход и снижает результативность метода. Основным у русского мыслителя является проблема слова. Он делает акцент на рассмотрение сущности слова, а не его генезиса. Однако присутствует неясность, схватывает ли категория «сущность» феноменальное содержание слова (мы понимаем феномен в хайдеггеровском смысле [2, с. 28–32]). У него слово и смысл тождественны. При этом слово изменяет смысл. С другой стороны, слово тождественно по своей работе с сознанием. Сущность, таким образом, внутренняя смысловая сторона слова, а сознание — внешняя.

Можно, с точки зрения постмодернизма, анализировать место и возможности категорий «сущность» и «бытие». Основанием модернизма является сознательный проект. Постмодернизм отходит от точности, идет к ризоме, и пока его переворот не дал должного эффекта. Наука дошла до такого уровня бытия, которое не понимается рационально, так что категория «сущности» уже не работает.

Мы уже видели эволюцию понимания разума в истории философии. И. В. Киреевский пишет, что в схоластике разум понимается как силлогизм, но постепенно силлогизм становится общеупотребимым понятием и тогда он переходит из разума в рассудок.

Ф. Бэкон полагает это рассудком. Разум же для Ф. Бэкона — средство поиска закономерностей причинно-следственного типа, например, построение индуктивных таблиц наблюдения. Для Р. Декарта разум уже сомнение, и система категорий, то есть метод. Для Им. Канта метод, бывший для Р. Декарта разумом, становится трансцендентальной логикой и переносится из разума в рассудок. В разуме остается построение идеалов и моделей метода. В модернизме идеология становится прерогативой рассудка, как и методы, вытекающие из сути идеологий. На место идеологии в постмодернизме приходит мифология, или неомифология, и управление людьми посредством образных и символических конструкций рекламы и прочих средств коммуникации.

Так что изменение понятия «разум» идет постоянно, новая версия вырывается за пределы освоенного и формально растиражированного метода, а сам прошлый метод переносится в сферу рассудка. Таким образом, рассудок постоянно расширяет сферу своего действия, а разум, как и чувство, — уменьшаются, относятся к функциональной сфере культуры и ее воспроизводству как некие маргинальные проявления природы человека.

Постмодернизм свой проект начинает в построении иного бытия, сходственного своей структурой с жизнью. Одна из форм нового бытия — символ, где много смыслов и возникает иллюзия их захвата из жизни. Нам кажется, что это новый шаг на пути расширения рассудка, но не понимания жизни, он закончится так же, но, как проект, он более эффективный и понимает жизнь глубже и точнее. Тем не менее постмодернизм как бы проникает в жизнь глубже. Следует только не забывать, что это щупальца рассудка. На языке западной философии рассудок все время поглощает разум, и разум оказывается неуловимым. Философия стремится исследовать разум, а не жизнь.

Нам не кажется, что символическая форма даст решение, как надеются сейчас. Такие же надежды возлагались и на логическую форму. Но эта символическая форма наиболее перспективна в анализе жизни на данный момент.

Символ дает возможность принципиального выхода за рамки рассудка. Многозначность и равноправие множества смыслов дают форму, более приспособленную к анализу смысла.

Смысл как процесс. В начале становления смысла происходит переход замысла в слово. Слово тут отражает некие смыслы, которые предшествовали его появлению. Эти смыслы даны в слове как культур-

ном, традиционном и воспроизводящем коммуницируемые формы и материал смыслов, но слово также отражает и то, что хочет сказать конкретный человек, этот смысл порождающий. Вполне представима ситуация, когда смысл не порождается, а ищется, причем поиск осуществляется по схеме Хайдеггера. Человек останавливается и ищет, какой смысл у него и какой заключен в слове, выбирая наиболее близкий тому, что он в данный момент хочет сказать. Тождество смысла конкретного человека и того смысла, который задается в слове, — исключает возможность порождения нового смысла в самом человеке. Причем это подкрепляется тем, что смыслы, которые использует высказывающийся, в слове уже были. Таким образом, подчеркивается характер тождества слова и смысла, это поиск слова и его общепринятых смыслов с высказываемым. Между тем смыслы, которые в слово не входят, а в описанной схеме будут таковые, остаются в феномене 1.

Назовем замысел, предшествующий передаваемому смыслу, прасмыслом или смыслом 1. Он сохраняет отличный от высказанного в слове смысла и стоящий за ним исходный.

Высказывание, опирающееся на общепринятые смыслы, может быть неоднозначно, но воспроизводство культуры идет по пути максимального и постоянного выравнивания любого смысла, высказанного в культуре в однозначность. Тенденция к однозначности есть отражение переработки смысла в сущность, путем выявления в нем явления или случайного и сущности, или неизменного. Смысл высказанный, уловленный в слове есть смысл актуальный и существующий, назовем его смыслом 2.

Наконец, после высказанного смысла и под его воздействием прасмысл не исчезает, а в субъекте, высказавшем смысл, остается нечто невысказанное. Это невысказанное имеет собственное развитие, которое также взаимодействует со смыслами 2. В итоге в высказывающем появляется невысказанный смысл 3 — послесмысл, смысл последствия и послесловия, смысл продолжения действия, приведенного к высказыванию. В этом смысле 3 есть побуждения, которые не совпадают, развиваются, но есть также и единство с феноменом 1. Этот смысл 3 отражает наличие феномена 2.

Соотношение смысла и феномена корректнее было бы дополнить третьим пониманием феномена, или явлением. Феномен 1 в нашем понимании соответствует смыслу 1 и предшествует рассудку, после появления высказывания появляется переработка его в сущность и явление. Феномен этого этапа не является феноменом как таковым, ибо он утрачивает связь с потребностью и мотивом высказывающего, тем не менее в оторванной форме феномен соотносим с явлением. Наконец, со смыслом 3 соотносится наш феномен 2, который может способствовать новому высказыванию, уточняющего или развивающего типа. Именно феномен 2 порождает новое высказывание, потому что он не удовлетворен прошлым, а также сохраняет связку с мотивом.

Связка с мотивом очень важна, потому что она отражает роль феномена как мостика между жизнью и бытием. Бытие в этой схеме опирается на рассудок. Путем психоаналитических и других высказываний рассудок даже может проникать в смыслы 1 и 3.

Бытие — это такой результат обработки смыслов, когда на обезличенной основе феномена появляется видимость полноты охвата мира смыслов, ибо, опираясь на сущность, бытие начинает проникать в смыслы 1 и 3. Но это проникновение есть дальней-

шее обезличивание и оно предполагает расширение рассудка в сферы жизни. Жизнь бытием выталкивается в смыслы 1 и 3.

Это сцепление смыслов 1 и 3 с жизнью отражает отчуждение бытия от живого, его омертвление в горниле рассудка, неспособность бытия схватить жизнь, отражает умирание той части жизни, которая через высказывание проникает в бытие.

Установка на слово М. Булгакова. Между тем М. Булгаков видит больше тождества между словом и сознанием, что и отражает бытие против жизни в слове. Бытие шире сущности, так как оно захватывает смыслы 1 и 3. Но в ядре рассудка сущность подавляет бытие.

Таким образом, Булгаков уже задает установку, которая узка и не может восстановить многообразие отношения разума и веры, не может освободить разум от рассудка.

Он отделяет сущность слова от его генезиса. Говорит, что вначале надо знать сущность, а из генезиса ее не понять. Но тогда надо построить несколько гипотез сущности, а кроме того, феномена, который в его единстве кажется себе в слове и, как потом оказывается, отчуждается в нем. Но откуда берется тогда сущность? Сущность дается у М. Булгакова интуицией, для этого нужна или вера, или пропедевтика проблемы.

Сущности две: естественнонаучная выявляется статистикой, и антропная, выводится из единичного феномена человека. В физике строим теорию из тысячи наблюдений, а в антропологии, психологии, науках о человеке вообще, наоборот, разные смыслы у сходных поступков, есть много интерпретаций одного события.

Нужна интуиция слова, узрение слова в непосредственном бытии. Но у Булгакова бытие есть идея, и тут православная установка лежит в основании его позиции. Лингвистика берет историческое тело слова, а слово в нее не вмещается.

Он пишет, что слово «одевает смысл», придавая ему форму. Но бытие смысла до и после слова, высказывания или действия не проявляются в этой форме, хотя могут предполагаться. Их предположение строится из общей канвы работы культуры и ее воспроизводства.

Таким образом, слово и его дополнения о смыслах 1 и 3 оказываются связанными с культурой, а не только с материей слова.

Между словом и смыслом существуют отношения копирования. Слово возникает из смысла, но потом, воплощаясь в текст, отрывается от мотивации и смысла. Текст передает смыслы в слове, а не живые смыслы. Таким образом, копия не несет в себе жизненного контекста смысла. Копирование же может быть различным. В культуре есть определенный механизм восстановления смыслов в текстах. Копия смысла в слове лишена исходной энергии, но при этом наполняется иной энергией, воссоздаваемой культурой.

Вокруг смыслов 1 и 3 в слове, как копии, возникают новые версии смыслов культурного происхождения. Эти смыслы в культуре одинаковы для разных высказываний. С этими смыслами слова-копии несут повторяющийся смысл от культуры. Копии лишены энергии смысла, но наполнены энергией воспроизводства.

По мнению Булгакова, слово всегда выражает идею. Слово «оформлено, чтобы жить полной жизнью» [1, с. 18]. Жить и быть — две разные реальности. В языке они обычно отождествлены и живое не отличается от «есть».

Но идея, как и смысл, расщепляется. Можно смотреть на замысел, и идея может продолжаться после выражения. Возможно это работа рассудка для продолжения вычерпывания смысла 1 и 3. Слово абстрагируется от смыслов в плане обезличивания. Это называется объективностью. Энергия стремления сменяется значением из набора уже имеющихся контекстов слов.

В итоге в слове также появляется три значения. Во-первых, есть набор значений каждого отдельного слова предложения: «Я», «люблю», «тебя». Эти отдельные смыслы в большинстве теряются, когда произносится предложение, но и предложение добавляет новый, конкретный смысл. Между этими фазами есть инвариант, тот смысл, который из слов взят и в предложении остался.

Для вычерпывания нового смысла в значение необходима направленность на то конкретное третье значение. Но предложение и работа слова может быть иной. Работа слова не есть процесс смысла, оно бытие слова, а процесс смысла — жизнь слова.

Отсюда следует, что значение слова существует в обилии или избыточности смыслов. Частное выражение смысла в слове означает отсечение посторонних смыслов, сопутствующих высказыванию.

Если процесс смысла есть падение смысла, то развертывание идеи падение присутствия и сущности. Сущность — суженная реальность по отношению к возможному бытию. Со стороны идеи бытие всегда богаче, однако, в идее есть некое новое сцепление, которое может затем повисить вместимость значений слова и бытия.

Это зажигание нового и есть цель существования идеи, такая идея аналогична работе разума. Таким образом, слова рождают смыслы, но это рождение не вполне в конкретной жизни, это порождение смыслов иного типа, которые могут быть и не связаны с жизнью.

Итак, мы выделили процесс смысла и ход идеи, и обе динамики не совпадают с высказыванием слова.

Слово. Важнейшим моментом конструирования слова является поиск жизни и отделение смысла, который выделяется изнутри Я (не психоаналитического). Такая позиция должна предполагать свойство человеческой индивидуальности порождать феномены 2, то есть единство мотивации и смысла.

Возникает необходимость соотношения слова с бытием и жизнью, поскольку до сих пор оно соотносено с логикой и высказыванием, и слабо с мышлением и анализом.

Слово слишком близко к умственному глазу человека, чтобы его заметить. Посмотреть со стороны на слово нельзя, так как слово везде, но смысл вне слова.

Язык у Им. Канта, по словам Булгакова, появляется как отношение между логикой и грамматикой, то есть язык в немецкой философии по преимуществу берется как правильность высказывания с формальной стороны.

Слово-мысль находится в обладании человека до всякого высказывания. Бывает, думают после высказывания. Замысел, как предпосылка высказывания, и дает связку слова и бытия (бытия в мысли или бытия мысли).

Бытие слова связано с экстафикой слова, и это бытие падает в слове, когда оно порождает высказывание. Можно сказать, что в выборе слова экзистенции больше, чем в сформированном высказывании.

Эта экстафика слова и дает бытие мысли, но мысль о бытие уже освобождается от экстафики. Точнее, она отчуждает конкретную связь высказывающего со своим смыслом со стороны экстафики, но дополняется экстафикой воздействия, то есть экспрессией. Бытие-в слова есть экстафика, а бытие-для — экспрессия. Разница: в первом случае слово раскрывает собственный мотив и смысл; во втором — мотив воздействия на другого, для кого предназначено высказывание. Этот переход экстафики в экспрессию — суть перерождения создания в конструкцию и коммуникацию.

В музыке экстафическая составляющая мотива и смысла, аналогично междометиям языка, отражает ту часть смысла, который в сознании и в смысле 2 исчезает, либо сознательно сохраняется для манипуляции слушателем.

Смыслы 1 и 3 беззвучны и беззначны (у Булгакова это касается слова до высказывания), они оказываются вне инвариантной части высказывания, понятной всем. Коммуникация самого человека с собой есть обогащение смысла 2 со стороны смыслов 1 и 3. Это отношение прототип коммуникации с другим.

Инвариант значения заключен в корне слова, который максимально соответствует смыслу 2. Но если корень — отражение смысла 2, то смыслы 1 и 3 — не представлены в высказывании, точнее, они представлены, по точке зрения психоанализа — как ошибки и сбои высказывания.

Эмоциональная составляющая экстафики выражается в действии. Слово также связано с переживанием и действием. В действии, когда оно сопровождается словом и высказыванием, смыслы 1 и 3 более представлены, так что переход к этим смыслам есть переход от высказывания к бытию. Но этот переход выражается в падении присутствия.

Можно также допустить воздействие действия на слово, когда слова предназначены для запуска действия. Слово связано со смыслами 1 и 3, но эта связка утрачивается по мере исключения мотива и действия.

Таким образом, возникает искушение ввести внутреннее слово, которое тесно связано со смыслом, но тем самым с эмотивно-экстафической его стороной.

Булгаков говорит о слове как энергии, независимой от материи слова. Эта энергия может пониматься как откровение Бога, а может — как экстафическая составляющая смысла.

Итак, есть несколько уровней бытия слова, в том числе бытие слова до действия и мысли. Бытие есть до слова. Появление слова — есть переход от бытия к существованию. Нельзя схватить бытие словом, без отдельного ухищрения, когда смотрим изнутри, но со стороны.

В этом плане мышление не схватывает и не работает со смыслом, хотя может передавать его в сообщении. Но понимание смысла, закодированного в сообщении, требует отдельного понимания у слушателя.

Слово написанное, произнесенное лишено энергии, которая утрачена вместе со смыслом. По Достоевскому это как раз состояние черта, слово равнодушно.

Человек видит признание в любви на экране, но не понимает этого смысла без вживания, сопереживания. Значит, смыслы передаются словом не непосредственно, а через сопереживание, через сочувствие, сомислие. Это происходит не всегда через слова, и тут есть нечто сверх слова.

Но при этом слово и сверхслово может искажать смыслы. Мышление отрицает субъективность и, таким образом, главный вектор преобразования — вычеркивание человека из высказывания.

В этом плане сознание — суть преобразование смыслов, наполнение высказывания собственными смыслами и собственными переживаниями. Сознание становится трансформатором бытия в существование. Оно подменяет смысловое поле здоровым смыслом.

В историческом плане речь вытесняет феномен, отчленяет смысловые результаты от конкретного человека, что способствует передаче смыслов новому поколению. Человек, способный переживать и создавать мир и себя, то есть живущий в феномене, заменяется человеком, который усваивает и воссоздает смыслы из передаваемых коммуникаций.

Музыка у М. Булгакова не относится к слову. Между тем некоторые типы музыки являются попытками провести смыслы от первого феномена ко второму, минуя сознание и речь. Так что в музыке есть конфигурации высказываний, которые не постигаемы словом, вариации перехода между феноменами, варианты единства феномена, то есть иного способа существования. В этом плане музыка отражает жизнь, а не бытие, она ближе к феноменам, а не сознанию. Музыка отражает свободную циркуляцию энергии феномена.

Также М. Булгаков говорит о том, что не может быть бессмысленного слова. Тождество смысла и слова приводит к Богу, так как смысл в человеке отрицается.

Мы можем усилием мысли задерживать слова в любом месте, значит, мы можем управлять смыслом, но на деле мы не управляем смыслом. Мы можем придержать жизнь и можем остановить бытие.

Мы видим изменение слова, но не видим изменение смысла. Хотя допускается многообразие вариантов имеющегося смысла в слове, из этого многообразия конструируются смыслы в слове. Это сознательные и понимаемые смыслы 2 слова, но это не смыслы 1 и 3.

Слово как бытие должно не зависеть от жизни. Слово как смысл должно включать в себя жизнь. Сартровское «бытие-в» возникает из жизни, и жизнь предшествует «бытию-с». Сознанию в этом плане соответствует «бытие-для» [3].

Что касается творчества и создания, то создание нового есть оживление и жизнь, а творчество обычно есть комбинирование из имеющегося смысла 2. Отличие в способе создания, но и в форме существования создаваемого. Создаваемое живое — живет и радуется, его творят в феномене и творчество его усиливает само творчество.

Музыка — язык единства феномена, а создание как жизнь есть проявление подлинного челове-

ского существования, то есть вечное в человеке. Бытие, построенное из рассудка, есть бесконечное.

В живом смысле замысел замкнут на послесмысл, а послесмысл восстанавливает замысел. В феномене человек не может остановиться, достижение поощряет на продолжение.

Жизнь можно характеризовать бесконечностью. Эта бесконечность порождена единством феномена. Она, как ретенциальное, есть бесконечность прошлого, арифметического типа, как потенция — бесконечность настоящего, или борьбы множества интерпретаций одного смысла, наконец, протенциальное — как версии выбора будущего действия. Эти типы бесконечности отражают в бытие типы смыслов. Ретенциальная бесконечность ближе к феномену 1 и смыслу 1, потенциальная — к сущности и смыслу 2, а протенциальная — к феномену 2 и смыслу 3.

Матрица бесконечности есть способ перевертывания жизни в бытие. Для бытия жизнь становится бесконечной в нескольких планах. Бесконечность тут не подразумевает непостижимость, наоборот, данная как бесконечность определенного типа жизнь становится для бытия менее неопределенной.

Итак, феномен и сущность имеют различные смыслы. Анализ смыслов слова дает представление об этом различии. Слово в феномене обладает не только идеальным содержанием, но и мотивирующим жизнь смыслом, который утрачивается в бытии, благодаря формализации субъективного элемента. Феномен оказывается ближе к жизни, посредником между жизнью и бытием. Это намечает анализ того, почему в бытии-для происходит необратимое падение присутствия, а также путь нарастания присутствия при сохранении феномена и жизни как его кажимого. Именно жизнь кажет себя в феномене. Жизнь многомерна и многовариантно бесконечна относительно бытия.

Библиографический список

1. Булгаков, С. Н. Что такое слово? / С. Н. Булгаков // Философия имени. — СПб. : Наука, 2008. — С. 9–66.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М. : Ad Marginem, 1997. — 452 с.
3. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр. — М. : Республика, 2000. — 639 с.

НИКОЛИНА Ольга Ивановна, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры философии, факультет истории, философии и права. Адрес для переписки: nikolinaof@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.05.2014 г.

© О. И. Николина

КУМУЛЯТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА В ФЕНОМЕНЕ

Между инстинктом и сознанием мы предполагаем существование феномена. Он предвосхищает потребность и удовлетворяет ее до активизации. Это развитие человека в феномене имеет кумулятивный характер. Анализируется его связь со становлением человека. В дальнейшем развитие сознания оказывается эффективнее, и феномен отодвигается как механизм развития на второй план.

Ключевые слова: кумуляция, инстинкт, тройная генетическая параллель, антропный феномен, протосознание.

Введем понятие кумулятивная структура. Кумулятивная структура означает повторение и накопление. Кумуляция понимается в дальнейшем как повторение истории в структуре. Вместе с тем кумулятивная структура, согласно нашей гипотезе, единственная структура, предполагающая саморазвитие системы, которая на этой структуре строится. Особенность кумулятивной структуры наслаивание одного слоя организации на другой, при этом происходит двойной процесс: с одной стороны, новый уровень структуры воспроизводит старый по схеме, но не по приоритетам, с другой — иерархия старого уровня снимается и заменяется инверсией связей, ранее иерархичных. Кумуляция сопровождается тем, что ранее четкое подчинение одних элементов структуры другим становится более сложным, а подчас оборачивается: тот или то, что ранее подчинялось, теперь подчиняется так, что не дает проявиться тому, чему оно подчинялось. Потребность в голоде, удовлетворенная заранее, остается как подчиняющая себе все первичное поведение потребность, но если поведение человека построено на предвосхищении этой потребности, то удовлетворение чувства голода происходит задолго до ее включения, да и само чувство голода уже существенно отличается от потребности в пище.

Кумулятивная структура означает, что способ формирования новой структуры идет методом кумуляции. Первичная кумуляция просто воспроизводит старую структуру, но между старой потребностью и ее удовлетворением ставит некую вторую сигнальную систему, которая заранее сообщает о состоянии организма, что и дает время предвосхитить появление потребности в мотивационной структуре. Кумуляция сохраняет старую мотивацию, но создает перед ее действием посреднические сигнальные системы, которые позволяют структуре реагировать заранее и иначе. Возникнув, кумуляция преобразует поведение существа, которое перестает реагировать непосредственно, оно реагирует символично, опосредованно. Отдельная реакция уровня потребности и уровня мотивации нового типа показывают, что более архаичная реакция более эффективна, она требует меньше психических затрат, она быстрее и надежнее, но только для определенной простой ситуации. Для усложненной ситуации старый тип реагирования слишком непосредственен, новый же происходит эффективнее в целом, системно, хотя отдельная реакция старого эффективнее. Старая система не позволяет развиваться, новая предполагает

развитие. Кумуляция становится методом развития структуры.

Вспомним принципы развития религиозной и научной системы знаний. Мало того что они имеют разные источники, что в целом спорно, главное в том, как они работают. То, что написано в Евангелии, для христианина важнее и ценнее, чем то, что дано позже как интерпретация написанного. Чем ближе к нам высказывание, тем менее оно достоверно, и в итоге развитие идет надстраиванием нового в контекст старого. Развитие научной системы знаний обратное, тут есть закон Ньютона и Эйнштейна, первый раньше, значит, он менее достоверен и широк, второй позже, значит, более точен и отвергает первый. Первый, более древний, отбрасывается, а второй, более новый, остается. При этом не столь важно, вбирает ли второй все смыслы первого, важнее другое — второй заменяет первый и соответствует экспериментам лучше.

В первом случае имеем пусть трансформированную систему кумулятивного развития традиции, во втором случае структуру машинного развития путем замены устаревшего на новое. Первый случай сохраняет в себе многообразие векторов развития, второй деградирует прошлое.

Итак, религиозная система знаний содержит традиционную структуру развития, когда прошлое включает в свой контекст новое, а научная — нет, она отбрасывает прошлое, заменяя его новым. В итоге структура научного развития узка и невариативна в своем содержании. Наука все же вбирает большую и самую эффективную часть прошлого в новое. Так что эффективность становится единственным развивающимся фактором науки. В массовой культуре и эта преемственность нарушается. Традиционная культура носит кумулятивный характер, или включает историю в структуру. Кумуляция — это структура, включающая в себя разнородные во временном и уровне плане фрагменты, так что она вбирает в себя со все усложняющейся динамикой новое и связывает его со старым, прошлым. Наука утрачивает кумулятивность в плане многообразия, универсальность, подобно тому, как религия усекает миф со стороны переделов развития, массовая культура утрачивает преемственность вообще, что означает, что вектор развития уже пребывает вне этого массива бытия. Массовая культура есть продукт не развивающийся, он просто результат развития иного, вне этого продукта протекающего процесса.

Если же мы пойдем далее в прошлое, то получим еще более выраженную систему мифа и религиозно-традиционного типа. Отличие мифологической картины в том, что тут нет Бога, нет исходного пункта, с которого начинается развитие. Исходный пункт религии — начальное ограничение традиции. Традиция может иметь ограничения в крайних точках, например, в начале, и в конце и в самой структуре. В первом случае традиция отчуждается в пределе, во втором она отчуждается в механизме, структуре. Традиция мифа, в отличие от религиозной, не имеет начального пункта и может плавно перетекать из одного состояния в другое, эта полицентрическая структура рано или поздно представляется как политеистическая структура, хотя с Богом миф не связан.

Итак, у нас три исторические структуры, а возможно, в период становления человека исходная мифология была иной, она ориентирована на табу и тотемы подражанием поведению другим животным. Но если в мифах тотемы — эталон поведения, то тем более собственная природа человека — эталон для подражания, что обуславливает необходимость в начале освоения собственной системы воспроизводства, так сказать, перевода ее из физиолого-подсознательного уровня в ритуально-осмысленный. Повторение отныне становится сознательным, через разум, и при этом несет структуру традиционную, развивающуюся, а относительно границы — не имеет ее, ориентирована на выявление новых и новых горизонтов собственной природы. Это миф, в нем еще содержится мировоззрение, которое позволяет человеку творить с собой волшебство, в религии это волшебство отдается Богу посредством создания предельных точек смирения, прошения.

Качество развития вытекает из кумулятивности мира и структуры человека. Это иной тип развития, отличающийся от развития современной техники.

Упор Мамфорда на преимущественное и первичное развитие сознания [1], знания и осмысления человеком окружающего мира и в то же время осознание человеком себя и формирование себя самого. Итак, сознание — начало человека, но начало такое, которое останавливает его развитие и становится концом его физиологической эволюции. Человек развивается до тех пор, пока не возникает самосознания. Это самосознание построено кумулятивно, т. е. вначале развитие мозга повторяет физиологический, инстинктивный способ воспроизводства человека. Человек, как зверь, воспроизводится инстинктами. Физиологи часто подчеркивают, что реакция инстинктивная более быстрая и точная, забывая, что в совокупности с разумом разумная реакция предвосхищает и предсказывает реакцию физиологическую. Инстинктивная реакция запускается, когда возникает сильный голод, но еще до этого с помощью своей сверхчувствительности человек ощущает приближение голода и реагирует так, что усиливает это чувство и направляет его. У человека есть время, пока голод от состояния появления не переходит в состояние невыносимого гнета над мозгом. Это состояние длится, но реакция не запускается, потому что его тормозит разумная реакция, которая в жизни задолго до запуска инстинкта все удовлетворяет. В итоге человек не испытывает нужды в запуске инстинктивной мотивации.

Физиологически это реализуется путем надстраивания над древнейшей, общей у приматов частью мозга коры полушарий, которые, во-первых, обладают свойством предраспознавания собственных

чувств, во-вторых, способом повторения инстинктивных реакций до запуска самого инстинкта. Так что инстинкт, запущенный несколько раз, научает человека аналогичным действиям, которые он после этого разыгрывает в коре полушарий, как только появляется слабейший намек на голод. Кора предвидит и предвосхищает и строит на слабые первичные сигналы реакции разумного и управляемого типа. Эффективность этой преддеятельности приводит к откату инстинктивных программ в подсознание, вплоть до доминирования сознания над ними.

Такая структура коры и действие мозга приводят к тому, что первично разумные действия повторяют инстинктивные и с помощью игры и сна обыгрываются многократно в ситуации, когда давление потребности отсутствует. Разумная деятельность первично возникает на базе и на повторе инстинктивной. Разумная деятельность становится альтернативной системой воспроизводства человека, аналогичной по функциям физиолого-инстинктивной. Она так же полна в отношении архаичных структур и реакций, что и физиологическая, но в основании ее запуска лежит не потребность, которую надо удовлетворить, а сигнал, который некоторое время можно игнорировать и можно воспроизводить еще до того, как потребность возникает. Так возникает система самомотивации разума. Эта самомотивация в итоге и порождает сознание.

Первичное состояние этой самомотивации таково, что сознание может не требовать, оно опирается на усиленные сигналы от коры, которые предвещают и распознают потребность в самом ее зародыше.

Теперь посмотрим за необычайным совпадением этой параллельной структуры мотивации с детством. Ребенок — это заторможенное естественное развитие. Детство — это внешнее выражение и проявление описываемой структуры предвидения, которая соответствует внутреннему развитию мозга.

Можно предположить, что формула детства повторяет формулу отношения разумной и инстинктивной программ воспроизводства человека. Пока ребенок в состоянии детства, программа инстинктивной не задействована, он учится программе разумной. Бросается в глаза новшество детства, первично ребенок получает возможность передвигаться на двух ногах к году, до этого инстинктивные побуждения к передвижению, но на четвереньках, возникают уже в три месяца, но они подавляются и реализуются в полгода. Тем не менее это естественная программа, которая затормаживается и вытесняется прямохождением. Так, с помощью детства первоначально происходит переход к прямохождению, что повторяет филогенез человека, возникает свободная рука, но потом до двух лет идет интенсивное освоение речи, уже после свободной руки. Ребенок вначале встает на ноги благодаря детству и любви родителей, прежде всего матери, это первый прорыв, реализованный в филогенезе и повторенный в онтогенезе, а второй прорыв — освоение речи. Видимо, эта последовательность воспроизводит стадии формирования человека, но отсюда следует, что первоначально человек приобретает большой мозг, который требует преждевременного рождения. Затем человек переходит к прямохождению, и мозг растет еще быстрее, а вот освоение речи уже происходит без существенных внешних проявлений. Более того, освоение языка — только начало мощного символического обучения ребенка в последующем.

Посмотрим, какова была система воспроизводства человека раньше. Видимо, была фаза, когда

человек перешел к прямохождению, но еще мозг не рос, детство протекало 9 месяцев, после чего он становился относительно самостоятельным, его не обучали. Это была стадия, когда сознания и речи еще не было, а человек формировался, причем формировался с ростом мозга. Вторая стадия, когда человек встает на ноги и учит язык, уже предполагает остановку размера мозга, происходит остановка эволюции человека с физиологической стороны. Это разрыв и есть антропогенез, который кончается, когда возникают сознание и культура.

Таким образом, новое возникает вначале как воспроизведение старого, новшества, порождаемые большим мозгом на первой стадии, несущественны, идет формирование новой, параллельной физиологии системы воспроизводства человека, которая закладывается кумулятивно. Это кумулятивное закладывание второй сигнальной системы является самым плодотворным состоянием со стороны развития физиологии человека и его мозга. Пока системы конкурируют и взаимодополняют, во-первых, происходит их взаимоотожествление, во-вторых, идет мощнейшее и самое парадоксальное в животном мире развитие мозга. Этот рост обуславливается биологическим, прежде всего, фактором развития, он предшествует существующей речевой форме культуры, в то время культуры строятся не на языке, а на протоязыке, который, видимо, был у гоминид. Между тем это развитие порождает сознание, и параллельная система является моделью формирования сознания. Это протосознание до того момента, пока система настроена на воспроизводство первой системы, а собственно сознание, когда вторая система приобретает самостоятельность. Но приобретает самостоятельность она только после того, как организм оказывается полностью удовлетворен.

Два периода развития предполагают два периода роста мозга. Первый до прямохождения, и он потребовал освобождения руки. Второй связан с ростом мозга после освоения прямохождения, и он направлен на освоение символического мира. Первый связан с переходом от первой сигнальной системы ко второй, второй — к завершению второй сигнальной системы в полную и независимую среду обитания человека в культуре посредством протосознания.

Структура второй сигнальной системы, как и вся структура психики человека, в этом процессе оказывается синхронной, симметричной. Эта кумулятивная структура психики повторяется в структуре мозга и структуре детства. Таким образом, единство внешнего и внутреннего, единство онто- и филогенеза тут закономерность кумулятивного принципа развития человека.

Факты развития человека, по словам Мамфорда, предоставляют нам только образы орудий и скелеты, а как восстановить внутреннее психическое развитие человека в его становлении? Безусловно, должен существовать эквивалент в современной культуре, который представляет бытие человека в протосознательном состоянии. Это состояние мы связываем с первичным антропным феноменом. Таких феноменов четыре: любовь, игра, труд, смерть. Они отличаются тем, что независимо от сознания вызывают полное включение человека в процесс переживания феномена. Феномен в этом смысле сохраняет в себе архаическое состояние человека формирующегося, состояние феномена охватывает все бытие человека. Если экзистенция оказывается формой индивидуального переживания и отчужденной в конкретной культуре формой переживания, то феномены —

исходной формой переживания человека еще до того момента, как он становится сознательным. Именно из состояния феномена человек переходит в состояние осознания своего положения.

Первое состояние человека, с увеличенным мозгом и свободной рукой, которое еще не оснащено языком, — скорее всего, переживалось как феномен, один из четырех названных, или их синтетическое состояние. Речь производит расщепление феноменов и формирует представление о ситуации настоящего времени, которое является базой переструктурирования чувств и мотивов на базе этого настоящего. Сознание — это фрагменты феномена, переведенные в ситуацию настоящего. Феномены — это протосознательное состояние, связанное с ситуацией одного из состояний феноменов.

Аналогично психическому и духовному состоянию должна формироваться новая система сообщества, первичное сообщество опирается на родственные связи и не оснащено языковыми связями, хотя по структуре оно воспроизводит взаимопомощь и прочие функции стада и племени. Второе сообщество строится иначе, на языке, и его центрация уже опирается на сознание, выраженное речью. Это состояние будней и праздника. В празднике происходит возвращение к состоянию феноменов, но в умеренной, подразумеваемой сознанием форме.

Напомним, что смерть подразумевает безвозвратно утерянное и в ней основание прошлого, в труде — основание будущего как цель, которая будет трудом достигнута. Эти два феномена, соединяясь, создают общее для сообщества бытие рода, которое опирается именно на смерть и труд. Это сообщество настоящее в двух смыслах: оно, во-первых, здесь и сейчас, серьезно и жизненно важно. Социальное возникает в момент формирования на базе смерти и труда бытового, которое воссоздает к прошлому и будущему еще и настоящее. Игра и любовь оказываются внутри индивидуальности и вне настоящего, они и несерьезны, и где-то не здесь. Культура, опирающаяся на настоящее, на примере любви и игры оттирает феномены как протосознательное регулирование социумом на периферию бытия человеческого рода.

Итак, кумулятивная структура генезиса воспроизводится первоначально в образе жизни, что отражается в физиологии мозга и порождает первый скачок его объема. Это экстенсивный рост размеров, сопровождающийся формированием второй сигнальной системы, которая предвосхищает инстинктивное поведение и полностью его заменяет, но при этом обладает принципиально той же структурой и полной. Вопрос: почему такое развитие протосознания приводит к свободной руке? Действительно более разумно предположить, что причиной свободной руки является освобождение рта для речи. Потому что второй скачок объема мозга, уже интенсивный, связан с формированием символической реальности феноменов, которые уже позже в обществе, основанном на языковом воспроизводстве, формируют по аналогии с психикой феномена и протосознания сознательную картину мира на базе представления о настоящем.

Принцип кумулятивной структуры можно теперь уточнить. Ее главное качество в воспроизводстве нового на базе повторения старого. Что предполагает, во-первых, первичное повторение новым старого, т. е. протосостояние нового в системе старого, во-вторых, в последующем использование старого в структуре нового как элементов мотивации.

Принцип воздействия таков: по ничтожному для обычного животного ощущению голода кора реагирует, усиливая этот импульс и предвосхищая голод, организует предварительные действия по удовлетворению голода, тем самым не давая инстинктивной программе запуститься. Аналогичной является структура настоящего, или вторичного, феномена в отношении к первичным феноменам. Первичные феномены уже являются сложной и параллельной системой к состояниям физиологическим, тем не менее они создают новые вектора развития человека, и эти исходные вектора протосознания определяют то, что удовлетворяет человека и его мозг в наибольшей степени. Феномены как первичные антропные состояния, во-первых, работают на удовлетворение витальных потребностей задолго до их появления в сознании и на уровне мотивации, во-вторых, раскрывают естественную для протосознания форму самоформирования человеком самого себя и своего мира. Антропные феномены содержат такие реактивные компоненты и состояния, достижение которых приводит человека в блаженное состояние.

Мозг испытывает удовольствие не только от первичных потребностей, но и от вторичных потребностей, или первичных феноменов. Это удовольствие синтезируется через действительное удовлетворение как первичных потребностей по ходу реализации феноменов, так и первичных феноменов, или достижение удовлетворенных состояний тела и духа. Физиологические, или первичные, потребности дают удовольствие, даже если они еще не говорят о необходимости их удовлетворения: голод удовлетворяется до того, как стал насущным и даже заметным. Феномен же дает духовное удовольствие, он порождает состояние, в котором человек испытывает удовольствие не только физиологическое, но и символическое.

Антропный феномен создает деятельностную систему, которая не заиклена на первичных потребностях, а разомкнута. Отныне, как только феномены в мозгу возникают, во-первых, они уже не привязаны к первичным потребностям, во-вторых, они все более интенсивно и качественно первичные потребности обслуживают. Дальнейшая мотивация человека в символической форме опирается на феномены, которые удовлетворяют человека, помимо первичных потребностей, еще и духовно.

Вторичный феномен, или настоящее, возникает по отношению к феноменам, аналогично феноменам по отношению к потребностям. Настоящее, во-первых, удовлетворяет феномены или использует их формы для духовного удовольствия мозга и индивидуальности, во-вторых, реализует удовлетворение первичных потребностей. Для образования своего мира настоящего последнему необходимо удовлетворять низлежащие уровни лучше, чем те сами себя удовлетворяют. Аналогично феноменам в отношении к потребностям настоящее удовлетворяет феномены еще до того, как те запускаются. Настоящее предвосхищает и потребности, и феномены. Потребности в системе феноменов удовлетворяются интенсивнее, поэтому потребности снимаются, аналогично настоящее интенсифицирует феноменальное бытие человека, поэтому проживание в настоящем становится более интенсивным и привлекательным. Эта форма проживания — в сознании. Настоящее представляет собой сознательное соот-

несение феноменов и потребностей, обстоятельств и процессов, в реальности не связанных, но в сознании управляемых и представляемых как одновременные. Это позволяет сознанию переформатировать бытие человека. Феномены проживают то, что происходит вокруг, в том числе и внутри человека, сознание же в состоянии манипулировать окружающим миром, чтобы интенсифицировать это проживание. Человек в сознании проживает более интенсивно и быстро, отчего феномены «заглатываются» в сознание. В современной массовой культуре происходит переинтенсификация феноменов, феномены оказываются настолько пресыщающими, что требуют большого срока релаксации, что отталкивает от сознания в силу его сверхинтенсивности.

Итак, феномены в своей основе содержат сверхчувственность в отношении к потребностям, сознание же сверхсобытийно относительно феноменов.

Обобщим принцип развития, с которым связана кумулятивная структура. Итак, кумулятивная структура представляет собой структуру развития, она очень тщательно воспроизводит прежний уровень организации в новом, в силу чего ее развитие имеет стадии уподобления нового старому, а потом новое создает собственную организацию и мотивацию, не зависящую от старой, но не потому, что старая стала не нужна, а потому, что новая предвосхищает старую и не дает ей проявиться. Старая структура сохраняется в новой, причем дважды — в уподоблении нового и в архаической старой форме, которая отесняется на периферию организма. Собственно о развитии можно говорить, только если мы имеем кумулятивную структуру.

Традиция развивается по кумулятивной структуре, а современная наука — по диссипативной. Отличие состоит в отсутствии уровней и сложностей у второй структуры, вторая структура реагирует многовариантно, она более гибка в плане принятия решений и быстрее меняется, поэтому видимость развития, точнее, динамика изменения — то, в чем диссипативная структура превосходит кумулятивную. Традиционный путь развития предвосхищен в прошлой структуре, и прошлое не утрачивается. В диссипативной структуре выбор действия происходит в соответствии с экономичностью или другим параметром эффективности, целесообразность развития при этом исчезает изнутри самой структуры. Кумулятивная структура является саморазвивающейся, а диссипативная только развиваемой, в последней не содержится полного обоснования решения и выбора действия.

Библиографический список

1. Мемфорд, Л. Миф о машине. Техника и развитие человечества / Л. Мемфорд. — М. : Логос, 2001. — 408 с.

НИКОЛИНА Ольга Ивановна, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры философии, факультет истории, философии и права.

Адрес для переписки: nikolinaof@gmail.com

НИКОЛИН Виктор Владимирович, доктор философских наук, профессор (Россия), профессор кафедры философии.

Статья поступила в редакцию 13.05.2014 г.

© О. И. Николина, В. В. Николин

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВОВОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

В статье приводится социально-философский анализ потребительского кредитования, проиллюстрированный конкретными статистическими данными по России, и по Омску в частности. Приводится подробный разбор с социально-философской позиции нового Федерального закона от 21 декабря 2013 года 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)». Автор делает вывод, что данный закон — шаг к честному кредитованию, однако он недостаточен для «оздоровления» экономики и общества.

Ключевые слова: потребительское кредитование, кредит, общество потребления, государственное регулирование, законодательство.

Общество потребления — тема, уже почти забытая на Западе и невероятно популярная сейчас в нашей стране и других странах бывшего СССР. Многие философы, социологи и психологи рассуждают о вопросах, связанных со сверхпотреблением, критикуют сложившийся строй и пытаются найти решение проблем. Однако поскольку основой для формирования общества такого типа служит экономическая система (а именно развитый капитализм), поиски путей решения проблем тоже следует начинать с экономики. Одним из экономических явлений, оказывающих, на наш взгляд, значительное влияние на формирование современной культуры потребления, является потребительский кредит.

По определению Федерального закона от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», «потребительский кредит (заем) — денежные средства, предоставленные кредитором заемщику на основании кредитного договора, договора займа, в том числе с использованием электронных средств платежа, в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности (далее — договор потребительского кредита (займа), в том числе с лимитом кредитования» [1, с. 1]. Таким образом, в категорию потребительского кредита попадают любые займы, выдаваемые гражданам, кроме займов на предпринимательскую деятельность и ипотеки. При этом кредиты могут быть предоставлены как банками, так и другими организациями (например, сейчас активно развиваются микрофинансовые организации, предлагающие небольшие займы «до зарплаты» с высокой процентной ставкой).

О негативном воздействии кредитов на психику человека и на всю его жизнь написал Жан Бодрийяр еще в 1968 году в своей первой книге «Система вещей»: «Хотя кредит, казалось бы, стал неотъемлемой частью нашего быта, но таким риском создается особый фактор ненадежности жизни, который всегда был чужд вещам «из семейного достояния». <...> Сроки платежей создают специфический страх, который постепенно превращается в некий теневой процесс, давящий на психику, при том что объективное отношение не доходит до сознания» [2, с. 171–172].

Сейчас, спустя полвека, опасения французского философа стали реальностью и в нашей стране. После всех экономических и политических катаклизмов XX века и экономических кризисов уже века XXI в нашей стране, вероятно, почти у каждого взрослого человека есть ощущение нестабильности жизни, дезориентации в ней, а столь популярные потребительские кредиты лишь усугубляют эту сложную бытийную проблему. Бодрийяр подчеркивает, что кредит — это лишь экономическое выражение чего-то более глубокого, нашего отношения к вещам, которые вечно убегают от нас. «Кредит — отнюдь не просто экономический институт, но фундаментальное измерение всего нашего общества, его новая этика» [2, с. 173].

Таким образом, проблема намного серьезнее, а ситуация — опаснее, чем предоставляется экономистам и потребителям кредитов. «Ныне родилась новая мораль: мораль опережающего потребления по отношению к накоплению, мораль убегания вперед, форсированного инвестирования, ускоренного потребления и хронической инфляции (копить деньги становится бессмысленно); отсюда берет начало вся современная система, где вещь сначала покупают, а затем уже выкупают своим трудом. Благодаря системе кредита мы возвращаемся к сугубо феодальным отношениям, когда известная часть труда изначально принадлежит помещику, то есть к системе закрепощенного труда» [2, с. 174]. Это проявляется на всех уровнях жизни: начиная от экономического, когда человек вынужден больше работать, чтобы оплатить кредит, и включая психологический, когда человек постоянно ощущает себя в долгах. И еще одно последствие, подмеченное Бодрийяром: «Система кредита тем самым доводит до предела безответственность человека перед самим собой: покупатель отчуждает плательщика, и хотя фактически это один и тот же человек, система, разводя их во времени, делает так, что это остается им не осознано» [2, с. 176]. Кредиты распространены сегодня настолько широко, что актуальным становится и высказывание Эриха Фромма: «сегодня всякий, у кого отсутствуют такие искусственные

потребности, всякий, кто не покупает в кредит, кто приобретает только то, что ему действительно необходимо, становится на границу политической благонадежности, становится особенным» [3, с. 50].

Итак, первая проблема, связанная с потребительским кредитованием, — это его негативное влияние на личность: вследствие потребительских кредитов, особенно взятых на бытовые, повседневные товары, у человека возникает чувство тревожности и нестабильности, которое даже не осознается им. Возникает иллюзия доступности всего, а вместе с ней и неограниченные потребительские желания. Постепенно кредиты способствуют тому, что «вещи предназначены вовсе не для того, чтобы ими владели и пользовались, но лишь для того, чтобы их производили и покупали» [2, с. 176], а люди — не для того, чтобы жить полноценной, осмысленной и разнообразной жизнью, а лишь для того, чтобы приобретать вещи и зарабатывать на кредиты.

Помимо такого, по сути психологического, подхода, социальная философия может и рассматривать экономический подход к данному вопросу. Объективное следствие кредитов (и одно из основных предназначений) — это их способность увеличивать потребительную стоимость товаров — «предельную цену товара, при которой у потребителя сохраняется потребление, поддерживающее процесс воспроизводства самого потребителя» [4, с. 54], иными словами, кредит увеличивает ту цену, которую потребитель готов платить за этот конкретный товар. Благодаря кредитам большее количество товаров становится доступным для большего количества человек, что, на взгляд экономистов, благотворно воздействует на экономику и стимулирует производство. Однако выгодно это лишь производителям и посредникам, а также кредитным организациям, а потребители вынуждены платить за товары всё более высокую цену. «Ради справедливости стоит отметить, что иногда кредитные продукты действительно могут быть полезны, если у человека непростое финансовое положение. Но парадокс заключается в том, что кредитные карты распространены не среди бедных, которым не хватает финансов на покупку необходимого товара, а среди вполне обеспеченных людей, которые могли бы легко обойтись без этой меры, если бы могли умерить свои потребительские аппетиты» [5, с. 508].

Итак, вторая проблема — это возврат к феодальному строю, к закреплению труда, причем добровольно: возможность взять вещь в кредит предстает перед покупателем не как несвобода, а как одно из достоинств этого товара.

Согласно статистике Центробанка, объем кредитования в России превысил 10 триллионов рублей [6]. «Почти у четверти взрослых граждан (27 %) есть кредитные обязательства. <...> Самый распространенный вид кредита — потребительский, взятый в магазине» [7]. Если говорить конкретно об Омском регионе, то, как пишет «Российская газета», «на сегодняшний день жители Прииртышья задолжали финансовым учреждениям более шестнадцать миллиардов рублей. <...> При этом треть заемщиков уже находится в долговой яме — они не могут расплатиться сразу с несколькими банками и имеют непогашенную задолженность свыше полутора миллионов рублей. Практически для всех них эта цифра в разы превышает их годовой доход» [8]. Это означает, что граждане нашей страны, еще плохо знакомые с системой кредитования, склонны переоценивать свои возможности и не учитывать различные

факторы, которые могут привести к неспособности выплатить кредит. Конечно, огромные долги — это еще одна как экономическая, так и социально-психологическая проблема как для семьи заемщика, так и для общества в целом.

«Таким образом, в современной кредитной системе априори заложены существенный конфликтный потенциал и социальное напряжение, и смягчение такого взаимодействия возможно лишь посредством жестких ограничений кредитной политики в пользу клиентов. Существующая практика свидетельствует о явно недостаточном законодательном регулировании кредитных операций, отсутствии должного контроля за кредитными организациями со стороны государства» [9, с. 30] — подводит итог А. В. Овруцкий.

Несколько лет Центробанк и Правительство РФ готовили закон, который регламентировал бы деятельность кредитных организаций и служил правовым регулятором этого невероятно популярного вида экономической деятельности. В итоге 21 декабря 2013 года был принят Федеральный закон № 353 — ФЗ «О потребительском кредите (займе)», вступивший в силу 1 июля 2014 года. В стремлении оградить население от неоправданно высоких процентных ставок, Федеральный закон указывает: «На момент заключения договора потребительского кредита (займа) полная стоимость потребительского кредита (займа) не может превышать рассчитанное Банком России среднерыночное значение полной стоимости потребительского кредита (займа) соответствующей категории потребительского кредита (займа), применяемое в соответствующем календарном квартале, более чем на одну треть». То есть, с 1 июля 2014 года, когда закон вступил в силу, кредитные организации не имеют права завышать проценты по кредитам настолько, чтобы общая сумма превышала среднерыночную на треть. Среднерыночное значение определяет Центробанк за 45 дней до начала нового квартала, при этом учитывая среднюю величину по 100 крупнейшим кредиторам по каждой из категорий займа. Первые такие данные, согласно закону, Банк России должен опубликовать не позднее 14 ноября 2014 года.

Текущий Федеральный закон также указывает, что все основные условия договора по кредиту клиент имеет право получить бесплатно и что они «отражаются в виде таблицы, форма которой установлена нормативным актом Банка России, начиная с первой страницы договора потребительского кредита (займа), четким, хорошо читаемым шрифтом». Также обязательно в черной рамке шрифтом максимального размера (из используемых в договоре) на первой странице договора должна указываться полная сумма кредита. Это уточнение важно, если учесть практику, в ходе которой практически все банки указывали условия под «звездочками» мелким шрифтом, и далеко не все заемщики имели возможность и достаточный уровень финансовой грамотности, чтобы оценить реальные условия предоставления кредита.

Таким образом, мы можем отметить, что настоящий Федеральный закон направлен на честное и открытое информирование заемщиков об условиях предоставляемых кредитов, а также на то, чтобы ликвидировать сверхвысокие процентные ставки, то есть правительством приняты меры по защите граждан от кредитных ловушек, а экономики — от разоряющих долгов. Это, безусловно, необходимые, но недостаточные шаги на пути к «оздоровлению» экономики и общества. Этим государство заботится,

главным образом, об экономике страны, предотвращая ее крах в результате невыплаченных платежей. И хотя в законе упомянуты права, которыми обладает заемщик (прозрачные условия договора, право досрочно погасить кредит в течение 14 дней, не ставя в известность кредитора, и т.д.), прежде всего закон защищает не отдельных граждан, а банковскую систему.

Вероятно, можно признать необходимым также ограничение на рекламу кредитов, их постоянное навязывание гражданам посредством «подарков» в виде кредитных карт, звонков по телефону и коротких текстовых сообщений и многих других способах. Вслед за жесткими ограничениями, связанными с торговлей табачными изделиями, было бы рационально ввести не менее жесткие ограничения на пропаганду кредитования. Также, на наш взгляд, следует сократить количество выдаваемых кредитов за счет ограничения категорий граждан, которых кредитные организации оценивают как кредитоспособных. Конечно, следует помнить, что принятие подобных законов может вызвать протест со стороны граждан, о чем предупреждал еще Бодрийяр: «Всякое ограничение кредита переживается как ущемляющая мера со стороны государства, запрет же кредита (абсолютно, впрочем, немислимый) переживался бы всем обществом как ликвидация некоторой свободы» [2, с. 170].

Библиографический список

1. О потребительском кредите (займе) : Федеральный закон РФ от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ // Российская газета. — 2014. — № 6265. — С. 9.

2. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр ; пер. с франц. и сопроводит. ст. С. Зенкина. — М. : Рудомино, 1999. — 224 с.

3. Фромм, Э. Ради любви к жизни / Э. Фромм ; пер. с нем. П. Гуревича. — М. : АСТ, 2000. — 400 с.

4. Бернацкий, В. О. Потребительная стоимость и ее стоимостное исчисление / В. О. Бернацкий // Омский научный вестник. — 2012. — № 4 (111). — С. 51–55.

5. Соколова, В. С. Структура общества потребления / В. С. Соколова // Молодой ученый. — 2013. — № 7. — С. 507–509.

6. Кривошапко, Ю. По ставке смирно / Ю. Кривошапко // Российская газета. — 2014. — № 6265. — С. 1.

7. Добрынина, Е. Более четверти россиян выплачивают кредиты [Электронный ресурс] / Е. Добрынина // Российская газета. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2014/04/10/kredit-site.html>. — Загл. с экрана (дата обращения: 17.06.2014).

8. Граф, Н. Долги омичей банкам превысили 16 миллиардов [Электронный ресурс] / Н. Граф // Российская газета. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2014/02/28/reg-sibfo/dolgi.html>. — Загл. с экрана (дата обращения: 17.06.2014).

9. Овруцкий, А. В. Потребление: философские аспекты правового регулирования / А. В. Овруцкий // Философия права. — 2009. — № 3. — С. 27–31.

СОКОЛОВА Вероника Сергеевна, аспирантка кафедры философии и социальных коммуникаций. Адрес для переписки: veronichka-sokolova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2014 г.

© В. С. Соколова

Книжная полка

Флоренский, П. А. Философия культа (Опыт православной антропологии) / П. А. Флоренский. — М. : Акад. Проект, 2014. — 685 с. — ISBN 978-5-8291-1609-5.

Основной задачей книги, по словам отца Павла Флоренского, «было установить величайшую важность культа (таинств, богослужения, обрядов) для Православия. К культу церковному и к его основе и центру — Божественной евхаристии — восходят все святыни жизни, мысли и дела христианского. Из культа исходит всё, что затем обмирщается в культуре: философия, наука, формы общественности, искусство. Культ (и его основа — таинство причащения) есть священная и единственная основа для живой мысли, творчества, общественности. Поэтому бедами грозят Православию те богословские системы, которые уклоняются от признания центрального значения таинств, богослужения и священных символов-обрядов для Церкви, жизни и философии». Для историков русской философии, философов, богословов, культурологов и всех, кто интересуется проблемами русской философии.

Русская философия. Энциклопедия / Сост. П. П. Апырьшко, А. П. Поляков ; под ред. Маслина М. А. — 2-е изд., дораб. и доп. — М. : Книговек, 2014. — 832 с. — ISBN 978-5-4224-0845-0.

Энциклопедия дает современное представление о развитии русской философии, ее периодах, проблемах, направлениях, о ее персоналиях и главных произведениях с XI века до наших дней. Проблемы отечественной мысли, ее своеобразии рассматриваются в тесной взаимосвязи с философскими течениями других стран. Энциклопедия включает около 900 статей. В новое издание вошло более 100 новых статей, многие из которых освещают изучение русской философии и возрастающий интерес к ней за рубежом. Энциклопедия будет полезна как специалистам, так и тем, кто испытывает глубокий интерес к русской философии и культуре.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Авторы ставят перед собой цель определить основную детерминанту развития современного общества, выявить характерные черты эпохи постмодерна, отмечая их взаимосвязи и взаимодействия. В статье обосновывается идея, что современная эпоха как эпоха постмодерна характеризуется тесным взаимодействием субкультур постиндустриального, информационного общества, общества потребления, массового общества, с ярко выраженными чертами симулятивности, функционирующими на фоне развивающихся глобализационных процессов, переживающих «цивилизационный разлом».

Ключевые слова: эпоха постмодерна, постиндустриальное и информационное общество, общество потребления, массовое общество, симулятивность, «цивилизационный разлом».

Современная эпоха — это сложное, во многом противоречивое явление. Ее исследователи, в соответствии с каким-то характерным признаком, одни называют постиндустриальным, другие информационным обществом, третьи — обществом потребления, четвертые — эпохой глобализации, пятые — массовым обществом, шестые — эпохой постмодерна. Возникает вопрос: какое из этих понятий позволяет наиболее адекватно исследовать весь комплекс происходящих в современном обществе процессов и прогнозировать их возможное развитие? По нашему мнению, однозначно дать ответ на этот вопрос невозможно. Каждое из этих понятий характеризует существенные стороны современных общественных процессов, акцентируя внимание на тех или иных их сторонах. Вместе с тем следует признать, что эти понятия являются близкими и пересекающимися по содержанию и их следует рассматривать как тесно связанные друг с другом грани современной стадии развития мировой цивилизации.

Нам представляется, что все эти характеристики, отражающие какие-то важные аспекты современной общественной жизни, формируют определенные субкультуры и в виде определенных тенденций играют роль существенных детерминант развития и функционирования различных общественных институтов. Исследователю современных социальных процессов важно понять, какие особенности тех или иных социальных процессов задает та или иная субкультура. А для этого необходимо определить основную детерминанту развития современного общества. Такой интегральной детерминантой, на наш взгляд, являются социокультурные процессы, связанные со становлением и развитием культуры постмодерна. В культуре постмодерна интегрируются все характерные особенности субкультуры постиндустриального (информационного) общества, общества потребления, массового общества, складывающейся глобальной цивилизации и т.д.

Целью данной статьи является определить основную детерминанту развития современного общества, выявить характерные черты эпохи постмодерна, по возможности, отмечая их взаимосвязи и взаимодействия.

Прежде всего, уточним, какое содержание вкладывается в термин «эпоха постмодерна». Не вдаваясь в подробности, отметим, что в гуманитарной литературе эпохой постмодерна называют стадию развития общества, пришедшую на смену эпохи модерна или, как это принято в отечественной традиции, эпохи Нового времени. Модерн, или Новое время — это время становления и интенсивного развития капиталистических общественных отношений, индустриализации общественного производства, формирования и развития классической науки, формирования и развития университетов как социальных институтов высшего образования и д.т. Все эти и другие стороны общественной жизни и культуры существенно трансформируются в процессе перехода общества в новую стадию развития. Однако в этом процессе трансформации содержится определенная доминанта. По мнению специалистов, доминантой, основным содержанием эпохи постмодерна является становление постиндустриального, информационного общества. В гуманитарной литературе существует довольно много различных подходов к содержанию понятия «постиндустриальное общество». И первое, самое простое — это стадия развития общества, приходящая на смену индустриальному обществу.

Рассмотрим субкультуру постиндустриального, информационного общества. Как известно, первым современную стадию развития общества охарактеризовал как постиндустриальное общество американский социолог Д. Белл. По Д. Беллу, постиндустриальное общество характеризуется новой ролью теоретического знания, превратившегося в главный источник технологических нововведений, переходом от производства преимущественно товаров к производству преимущественно услуг, доминированием профессионального и технического класса над традиционным пролетариатом, а также появлением интеллектуальных технологий, дающих ключ к рациональному планированию технологического и социального развития [1, р. 26]. Фундамент этого общества составляют наукоемкие и ресурсосберегающие высокие технологии, формирующиеся на основе таких междисциплинарных теорий, как

информатика, эргономика, системотехника, теория автоматического регулирования, теория дизайна и т.д., которые изучают и описывают сложные техносистемы, функционирующие в определенных социокультурных условиях.

С понятием «постиндустриальное общество» коррелирует понятие «информационное общество». Информационное общество, с точки зрения Е. Масуда, представляет собой современный этап цивилизационного развития, высшую ступень развития постиндустриального общества, в основе которого лежит особая нематериальная субстанция, которую он обозначил как «информация» [2, р. 140]. Смысловая емкость понятия «информация» многозначна и многофункциональна и позволяет успешно истолковывать различные феномены. Информация функционирует как сообщение, как среда и как важнейший и неисчерпаемый вид сырья. На основе всего вышесказанного информация признается важнейшим стратегическим ресурсом общества. Информация обеспечивает связь разных уровней и ракурсов общественного взаимодействия, обеспечивая становление нового типа организаций. В современном мире формируется глобальная информационная инфраструктура, в которой обмен информацией вообще не имеет каких-либо границ, сформировалась индустрия производства разнообразного информационного содержания. Информационные технологии играют существенную роль в функционировании мировых рынков капитала и труда, науки и образования. Большая часть населения, освобожденная от труда в промышленности, оказалась занята не в области социального, научного, художественного творчества, а в сфере услуг, основным назначением которой стало формирование и удовлетворение фиктивных потребностей. Число работников корпораций, занятых в сфере маркетинга, несравнимо с количеством сотрудников, непосредственно занятых инновационной деятельностью. Маркетинговые, фиктивные характеристики продукта оказываются важнее технических. Затраты на исследования в области фундаментальной науки несравнимы с расходами на функционирование востребованной рынком прикладной сферы. При этом сферы широкого образования и массовой культуры, в которых, согласно теории постиндустриального общества, необходим ускоренный прогресс с целью повышения творческого потенциала населения, часто оказываются в состоянии деградации. В экономическо-финансовой сфере интенсивно развиваются симулятивные процессы. Ценностью в современной экономике стал обладать не сам товар, а образ товара, гипертовар. Потребитель, прежде всего, платит за известный бренд. Одной из характерных особенностей информационной стадии развития общества стал феномен тотальной семиотизации бытия вплоть «до обретения знаковой сферой статуса единственной и самостоятельной реальности» [3, с. 202]. Происшедший разрыв между означающим и означаемым переносит индивидуальное сознание из мира вещей в мир знаков. Этот феномен ярко проявился в финансовой сфере, где после 1971 года перестала существовать связь мировой валюты и золотого резерва. Постепенно оказались сняты ограничения для производства фиктивного капитала. Американский экономист Роберт Курц назвал сложившуюся экономическую систему симулятивным капитализмом [4].

Таким образом, вступление человечества в стадию информационного общества породило такую новую характерную черту как симулятивность.

Одной из характерных особенностей современной эпохи является наличие большого количества искусственных, псевдореальных образований. В различных сферах общественной жизни возникают и функционируют симулятивные конструкции, главной особенностью которых является активное воздействие на массовое сознание людей и социальные процессы. «Мы вступили в эру симуляции, — отмечал французский философ Ж. Бодрийяр, — наступление которой знаменует полная замена некогда противоречивых или диалектических противоположных терминов: взаимозаменяемость красивого и уродливого в моде, правого и левого в политике, истинного и ложного в масс-медиа, полезного и бесполезного на уровне объектов, природы и культуры на любом смысловом уровне...» [5, с. 324–353]. Симуляции пронизывают все сферы современных общественных отношений, значительно изменяя их существенные характеристики и формы выражения. Основными видами симулятивных образов, реализующихся в социуме среди индивидов, социальных групп, сообществ и объединений, являются различного вида социальные иллюзии и имиджи. Высшей ступенью развития симулятивных образов следует считать симулякр — превращенную форму бытия объектов, образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишённое подлинника, образ, за которым не стоит какая-либо реальность, репрезентация чего-то, чего на самом деле не существует, самостоятельно и стихийно творящим свое собственное бытие (гиперреальность).

В культуре постмодерна на основе информационных технологий глубоко укореняются принципы плюрализма, децентрации, фрагментарности, которые базируются на принципе разнообразия. Под влиянием этих процессов, невозможны готовые стандартные решения и действия. Параллельно в рамках постиндустриального общества формируется субкультура общества потребления. В данной культуре осуществляется невиданная ранее экспансия менового начала и буквально всем явлениям жизни и культуры придается товарная форма. На этой основе осуществляется всемирный оборот купли — продажи. Главная ценность данной субкультуры — товар. Формируется и насаждается идеология потребительства. В общественном сознании стремятся укоренить идею, что целью и смыслом жизнедеятельности человека является производство вещей и их потребление. Такая ценностная установка наносит ущерб духовному миру личности, ограничивает возможности всестороннего развития.

Как отмечалось ранее, постиндустриальный, информационный мир по сравнению с эпохой модерна имеет еще одно существенное отличие. В нем с очевидностью наблюдается переход от производства материальных товаров к производству товаров в форме услуг. На этой основе осуществляется коммерциализация института образования. На смену господствующей в эпоху модерна ценностной установке: образование — это общественное благо, приходит установка: образование — это услуга. В этих условиях, с социально-экономической точки зрения, непосредственным продуктом вуза, с которым он выходит на рынок, являются образовательные услуги. С экономической точки зрения, услуга — это работа, выполняемая на заказ по договору между потребителем и исполнителем (производителем) при соответствующей оплате. Экономисты различают различные виды услуг. Образование относится к классу нематериальных услуг. Под образователь-

ной услугой в этом контексте понимается предоставление возможности получения образования, увеличивающего стоимость рабочей силы конечного потребителя этой услуги и улучшающего его конкурентоспособность на рынке труда. Особенности образовательных услуг проявляются и в том, что они оказываются в комплексе с интеллектуальным и духовным преобразованием личности обучающегося. Эти услуги в современных условиях должны обеспечивать не только реализацию познавательных интересов обучающихся, но и участвовать в обеспечении воспроизводства разнообразных способностей человека к труду, то есть в формировании человеческого капитала. С содержательной точки зрения, понятие «образовательные услуги» включает целый комплекс продуктов и услуг, предоставляемых вузом в рамках образовательных программ. С экономической точки зрения, образовательная программа — это комплекс образовательных услуг, нацеленных на изменение образовательного уровня и/или профессиональной подготовки потребителя и обеспеченный соответствующими ресурсами образовательных учреждений. В конечном счете, образовательная программа и есть тот товар, с которым вуз выходит на рынок.

На базе данной установки происходит коммерциализация института высшего образования. Коммерциализация, в свою очередь, обуславливает меркантилизацию и прагматизацию института высшего образования. Можно сказать, что это стороны одного и того же процесса. Меркантилизация и прагматизация связаны с решением проблемы цели и смысла образования для личности и функций образования в обществе. В настоящее время эта проблема решается с позиций методологии компетентностного подхода в рамках взаимодействия понятий компетенции и компетентность как цели образовательной услуги. Однако остается нерешенной проблема оценки качества образовательной услуги, которая упирается в решение проблемы контрольно-измерительных средств уровня и качества образования. Остается также нерешенной проблема цели и задач воспитательного процесса в условиях образования как услуги.

Глобализация, по нашему мнению, это социокультурный процесс цивилизационного развития, характеризующийся возрастающей целостностью мирового сообщества, становлением единой общепланетарной цивилизации. Глобализация, как социокультурный процесс, связана с постепенным изменением вектора цивилизационных процессов от локальных этнонационально-государственных к интернациональным. Таким образом, глобализация, прежде всего, связана с интернационализацией всей общественной жизни на Земле. Эта интернационализация означает, что все человечество включается в единую систему деятельности, связей и отношений. Глобализация предполагает интенсификацию локальных этнонационально-государственной деятельности, связей и отношений. Возрастающая интенсивность этнонационально-государственной деятельности, связей и отношений способствует распространению по всей планете тех форм культуры, которые презентуются как наиболее оптимальные для удовлетворения личных и общественных потребностей. На этой основе в процессе глобализации происходит все возрастающая унификация локальных этнонационально-государственной деятельности, связей и отношений. Основой этой унификации является формирование общепланетарной системы разделе-

ния труда, политических институтов, информации, СМИ, транспорта и т.д. Главная ценность субкультуры глобализации — интеграция.

Глобализация связана с формированием крупных наднациональных структур, которые стремятся доминировать в конкурентной среде. Среди таких наднациональных структур следует выделить Евросоюз, ШОС, БРИКС и т. п. На основе этих объективных социальных процессов идет процесс глобализации культурного пространства, который приводит к трансформации и кризису этнонациональной культурной идентичности, ослаблению чувства принадлежности индивида к определенному государству, обществу и культуре. Развитие кризиса этнонациональной культурной идентичности несет в себе угрозу национальной безопасности. Поэтому важнейшая задача национальной безопасности состоит в сохранении и укреплении этнонационального культурного идентификационного ядра, поскольку национальная идентичность является ее сущностной основой и одновременно важнейшим ресурсом конкурентоспособности в условиях глобализации. Причем для многих стран это не только означает выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превращается в вопрос национальной безопасности. Долгое время в глобализационном процессе доминирующую роль играла Западная цивилизация. Современный уровень глобализационного процесса многие исследователи характеризуют термином «глобализационный разлом», который помимо всего прочего, означает перелом в тенденциях цивилизационного процесса: смены вектора развития с Западной, американо- и европоцентристской версии, на Восточный, преимущественно азиатский. Этот вектор проявляется в кризисе оснований Западной цивилизации, наиболее ярким проявлением которого стал экономико-финансовый кризис 2008 года и продолжающаяся экономическая депрессия. А также в возрастании роли стран Азиатского региона (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур, Вьетнам, Малазия, Индонезия и др.) в экономике и политике.

Современная эпоха — это также эпоха массового общества. Х. Ортега-и-Гассет нашу эпоху назвал веком «восстания масс». С позиций Ортеги, «восстания масс» означают, что правящая элита окончательно престаала быть заказчиком и создателем нормативных образов в культуре, а сами эти образы размываются и исчезают. В обществе активно формируется институт массовой культуры, в ходе которого в процесс создания культурных форм продолжают включаться новые группы, ранее лишенные возможности «продвигать» свои образы [6, с. 179]. Традиционное иерархическое деление на «заказчиков-производителей» типических имиджей и их «пассивных потребителей» теперь становится невозможным. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, в условиях массового общества конвенционализм и консенсус становятся устаревшей и подозрительной ценностью, а плюрализм и многообразие, напротив, становятся ценностями безусловными и непререкаемыми [7, с. 130]. В этом обществе ядро культуры больше не состоит из неких универсалий, которые толкуются однозначно и принимаются всеми. Для человека массового общества характерна неприязнь к любому порядку, жестким нормам, традиционным системам ценностей. Исчезновение привычных ориентиров и иерархий дает право сделать вывод, что массовая культура носит мозаичный характер: в ней все имеет право на существование, все существует рядом и параллельно, все культурные модели равны. Творче-

ское поведение индивида в условиях массового общества, по определению Д. Дубницкого, можно охарактеризовать как радикальный культурный персонализм [8, с. 152–166]. Если раньше усилия индивида были направлены на то, чтобы уподобиться существующим образцам, то теперь, напротив, направлены на демонстративное неподчинение им.

В эклектическом мозаичном образе нашего современника ярко выражена такая особенность современной культуры, как изменение связи знака со смыслом. Эта связь перестала быть постоянной, устойчивой, однозначной и может меняться в зависимости от контекста. Смысловая наполненность знака становится многозначной, его коннотации становятся много важнее, чем денотативные значения. Происходит «семантическая революция», проявляющаяся в неограниченной концептуальной свободе в толковании знака, всегда готового к тому, чтобы стать иным. Тенденция к исчезновению достоверных знаков поддерживается новыми технологическими возможностями, которые появились у современного человека. Подражание элитарным образцам потеряло свою привлекательность, поскольку сам процесс копирования стал технологически доступным.

Таким образом, современная эпоха, как эпоха постмодерна, характеризуется тесным взаимодействием субкультур постиндустриального, информационного общества, общества потребления, массового общества с ярко выраженными чертами симулятивности, функционирующими на фоне развивающихся глобализационных процессов, переживающих «цивилизационный разлом».

Библиографический список

1. Bell, D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. — N.Y. : Basic Books, 1973. — 616 p.

2. Masuda, Y. The information society: as post-industrial society. — Tokyo, Japan : Institute for the Information Society, 1980. — 171 p.

3. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. и предисл. С. Н. Зенкина. — М. : Добросвет, изд-во КДУ, 2011. — 392 с.

4. Курц, Р. Симулятивный капитализм [Электронный ресурс] / Р. Курц // Наперекор. — 1998. — № 8. — Режим доступа : <http://aitrus.narod.ru/kurz.htm> (дата обращения: 11.08.2014).

5. Бодрийяр, Ж. О совращении / Ж. Бодрийяр // Ad Marginem '93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. — М. : Ad Marginem, 1994. — С. 324–353.

6. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. — М. : АСТ, 2003. — 405 с.

7. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — М. ; СПб., 1998. — 160 с.

8. Дубницкий, Д. Особенности мотивации в современной культуре / Д. Дубницкий // Символы, образы и стереотипы современной культуры : сб. науч. статей. — СПб. : Эйдос, 2000. — С. 152–166.

РАДУГИН Алексей Алексеевич, доктор философских наук, профессор (Россия), профессор кафедры «Философия, социология и история».

ГУРИНА Екатерина Михайловна, соискатель по кафедре «Философия, социология и история». Адрес для переписки: anteia25@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.10.2014 г.

© А. А. Радугин, Е. М. Гурина

Книжная полка

Ермичѳв, А. А. Имена и сюжеты русской философии / А. А. Ермичѳв ; под ред. Ломакиной Т. Л. — М. : Наука, 2014. — 710 с. — ISBN 978-5-02-038363-0.

В книгу известного историка русской философии Александра Ермичѳва (р. 1936) вошли работы: «Всѳе» русской религиозной философии: Петр Яковлевич Чаадаев», «О роли В. Г. Белинского в истории русской философии», «В. С. Соловьѳв и модели русского пути XIX — начала XX в.», «О русскости русской философии: в ответ В. Н. Сагатовскому», «По ту сторону славянофильства и западничества: об одной основной ориентации русской мысли» и др.

Степин, В. С. Философия и методология науки. Избранное / В. С. Степин. — М. : Акад. Проект, 2015. — 824 с. — ISBN 978-5-8291-1715-3.

В книге представлена концепция структуры и динамики научного познания, разработанная В. С. Степиным и имеющая широкий круг приложения в методологии естественных, технических и социально-гуманитарных наук. Прослежены основные операции формирования научных теорий и эмпирических фактов. Проанализированы структуры и функции оснований науки (научной картины мира, идеалов и норм исследования, философских оснований) в процессах генерации нового научного знания и его включения в поток культурной трансляции. Особое внимание уделено анализу исторических типов научной рациональности, критериям их различения, их роли в качестве ценностной культуры техногенной цивилизации. Книга адресована ученым, преподавателям, аспирантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами философии и методологии научного познания, судьбами научно-технологического развития в современную эпоху социальных перемен.